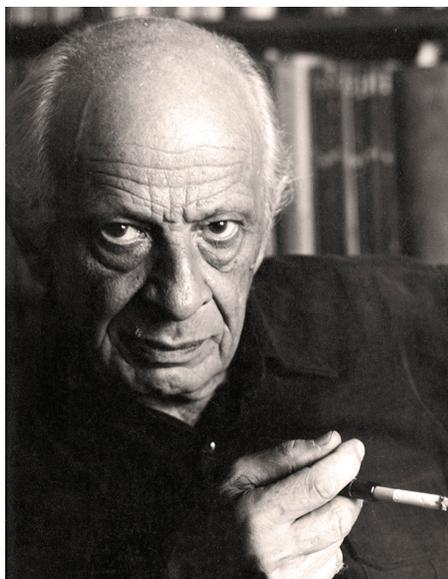

Из переписки К.Л. Рудницкого и А.В. Смирновой-Искандер (1975–1980)*

Через несколько лет после выхода книги «Режиссер Мейерхольд» (М.: Наука, 1969) К.Л. Рудницкий задумал ее переработанное и дополненное издание. Постепенно замысел трансформировался и привел к написанию совершенно новой книги о Мейерхольде, которая вышла в серии «Жизнь в искусстве» (М.: Искусство, 1981).

* В более полном объеме переписка К.Л. Рудницкого и А.В. Смирновой-Искандер будет опубликована в одном из выпусков альманаха «Мнемозина». Документы и факты из истории отечественного театра XX века.

К.Л. Рудницкий.
Начало 1980-х гг.

Хотя Рудницкий вступил здесь на территорию биографического романа, от требования фактической точности он не уходил. В поисках и уточнениях фактов завязалась его переписка с Александрой Васильевной Смирновой-Искандер (1896–2000), мейерхольдовкой, участницей Студии на Бородинской (1914–1917), куда она пришла вместе с будущим мужем Алексеем Максимовичем Смирновым¹.

В 1967 г. в сборнике воспоминаний «Встречи с Мейерхольдом» была опубликована статья А.В. Смирновой-Искандер «В Студии на Бородинской», полная живых подробностей и побудившая Рудницкого к новым вопросам. Его интересовало, как выглядела квартира Мейерхольда, кого из студийцев он приглашал в гости, каков был круг общения, как было устроено кабаре «Привал комедиантов» (сколько столиков, как выглядела сцена, где размещался музыкант или музыканты, кто посещал этот театр, продавались ли билеты), конфликты, причины уходов из Студии, личные впечатления Смирновой-Искандер от актеров Александринской сцены. Вопросы Рудницкого не только связаны со Студией на Бородинской, но захватывают широкий культурный слой. Ответы Смирновой-Искандер детальны, говорят об удивительной памяти на события шестидесятилетней давности и о цепкой наблюдательности, трезвости оценок, в том числе в отношении самого

А.В. Смирнова-Искандер. 1910-е гг.

Мейерхольда. Примечательны описываемые ею раскрепощенность Мейерхольда в общении со студийцами и его замкнутость, молчаливость даже в кругу расположенной к нему культурной среды. Вопросы и ответы полны внимания, казалось бы, к мелочам, мимо которых часто проходят истории, но из которых ткется пряжа жизни.

Переписка, начинавшаяся по профессиональной необходимости, быстро переросла в человеческую дружбу. Рудницкий держал Смирнову-Искандер в курсе как своих исторических исследований (А.Я. Таиров, И.Г. Терентьев, режиссура начала века и др.), так и критических выступлений. Присылал свои книги, статьи. Ценил отзывы адресата. Откликался на просьбы. Переписка подтолкнула Смирнову-Искандер взяться за мемуары. И здесь Рудницкий помог наладить отношения с ленинградским отделением издательства «Искусство» и написал вступительную статью. Воспоминания Смирновой-Искандер «О тех, кого помню» вышли в 1989 г., но Рудницкий уже не увидел книгу.

Последнее письмо Рудницкого к ней датировано 4 июля 1988 г. Смерть настигла его 24 сентября.

После кончины К.Л. Рудницкого Смирнова-Искандер переслала его письма вдове Т.И. Бачелис, а та многим позже в свою очередь передала – О.М. Фельдману, в архиве которого они хранятся. Письма же А.В. Смирновой-Искандер вместе со всеми рукописями и документами Т.И. Бачелис и К.Л. Рудницкого находятся в Рукописном отделе Центральной научной библиотеки СТД РФ. Сердечная признательность Вяч.П. Нечаеву, который помог их отыскать. К сожалению, не все письма А.В. Смирновой-Искандер удалось обнаружить. Но вопросы К.Л. Рудницкого обладают несомненной ценностью, несмотря на то, что мы не всегда знаем, какие ответы на некоторые из них он получил.

17 декабря 1974 г.

Дорогая Александра Васильевна!

Извините, что пишу на машинке: давно уже привык, и почерк у меня очень скверный.

Меня очень тронуло и обрадовало, а, заодно, и пристыдило Ваше письмо. Я не догадался послать Вам «Спектакли», и это, конечно, моя ошибка и моя вина. Отчасти меня оправдывает только то, что книжка эта была очень замучена редакторами и цензорами, и вышла она в сильно обкорнанном виде². Сперва я себя утешал тем, что, если от окорока отрезать кусок-другой, ветчина все равно ветчиной останется. Но по мере того как отрезали ломтик за ломтиком, я убеждался, что из окорока получается, увы, что-то вроде докторской колбасы. Что-то очень уж диетическое. Короче говоря, я разлюбил эту книжку еще до того, как она вышла, – и так ее и не перечитывал. Наверное, поэтому я не догадался Вам послать. Простите! Сейчас исправляю свою ошибку и посылаю Вам экземпляр.

Спасибо Вам за Ваши замечания: они для меня очень важны, т.к. я Вам – верю. Таня [Т.И. Бачелис] очень была обрадована тем, что Вы до сих пор не потеряли интерес к ее «Феллини»³. И за внимание к Альме Лоу⁴ – тоже спасибо: она серьезный, хороший человек, и все, что Вы рассказали ей, будет ей, конечно, полезно. В Ленинграде она бывает довольно часто, так что возможно, будет еще раз проситься к Вам. Можно?

Шлю Вам самый сердечный привет и самые добрые пожелания! Кстати, ведь и Новый год на носу! Пусть он будет для Вас радостным и спокойным и принесет Вам исполнение Ваших надежд и желаний!

Ваш К. Рудницкий

Подпис. маш. текст

В.Э. Мейерхольд. 1910-е гг.

17 апреля 1975 г.

Дорогая Александра Васильевна!

Случилось так, что у меня появилась возможность – пока еще довольно смутная – выпустить книгу о Мейерхольде заново. Если это совершится, то будет не просто второе издание, а – сильно переработанная и дополненная книга. И ежели это произойдет, конечно, Вы ее сразу получите. Во всяком случае, сейчас я ее пишу. Некоторые вопросы для меня пока сложные, быть может, Вы могли бы разрешить. Вот почему я обращаюсь сейчас к Вашей помощи.

Скорее всего Вы не видели первую постановку «Шарфа Коломбины» в 1910 году, в «Доме интермедий». Но, может быть, Вы знаете, кто в ней участвовал? Кто играл Коломбину? Гейнц? Хованская?⁵ Кто играл Пьеро, Арлекина? Если Ваша память сохранила эти имена, сообщите мне.

Далее, в своих воспоминаниях Вы рассказываете о квартире Всеволода Эмильевича (четыре комнаты). Где она была? На Жуковской? На Театральной площади? То есть я имею в виду ту квартиру, где Вы побывали. Жила ли с ними Е.М. Мунт⁶ или она жила отдельно? Что за камин был в кабинете Вс. Эм.? Настоящий? В нем горел огонь? Что Вы еще помните о его кабинете? Картины, книги – какие? Вы пишете: «принимали нас, студийцев, очень гостеприимно» – а сколько вас было? Вы приходили большими группами или по двое, по трое? Еще Вы пишете:

«когда Мейерхольда приглашали в гости...». Кто его приглашал? У кого вы вместе бывали?

Можете ли Вы что-нибудь рассказать об отношениях между Мейерхольдом и Б. Прониным⁷, Мейерхольдом и В. Соловьевым⁸, Мейерхольдом и братьями Бонди⁹? Почему они поссорились с Бонди?

Какое – откровенно, я Вас не выдам! – было у Вас тогда отношение к Юрьеву¹⁰? Нравился ли он Вам как человек и как актер? Понравился ли в «Маскараде» в день премьеры? Какое впечатление производили на Вас, как актрисы, Коваленская¹¹ и Рощина¹²?

Извините, что пристаю к Вам с вопросами. Но, во-первых, Вы понимаете, что я могу их задать только Вам. Во-вторых, к Вам я испытываю глубокое доверие и симпатию и Вашим впечатлениям придаю самое большое значение.

Будьте так добры, напишите мне, пожалуйста!

Шлю Вам самый сердечный привет.

Заранее благодарный

К. Рудницкий

Подпис. маш. текст

12 мая 1975 г.

Дорогой Константин Лазаревич!

Извините меня, что я так задержала ответ на Ваше письмо.

Шлю Вам и Татьяне Израилевне свое запоздалое праздничное поздравление с самыми лучшими пожеланиями.

Я очень рада, что есть возможность переиздать Вашу книгу о Мейерхольде.

Постараюсь ответить на Ваши вопросы.

Первую постановку «Шарфа Коломбины» в 1910 г. в «Доме интермедий» мне видеть не пришлось. К сожалению, я не смогла до сих пор узнать, кто играл Коломбину, Пьеро и Арлекина. Я только хорошо помню, что, ставя во 2-й раз «Шарф Коломбины» в 1916 г., Мейерхольд все время приговаривал: «Сейчас это надо ставить совсем по-другому, *издевательски*, гротескно, буффонно».

Квартира Вс. Эм. Мейерхольда (в период его занятий с нами в Студии на Бородинской) находилась на 5-й роте Измайловского полка (сейчас это 5-я Красноармейская ул.). План квартиры был такой – большая передняя, из нее налево вход в столовую (узкую, длинную комнату). Из столовой две двери: налево в кабинет Вс. Эм. и направо в спальню

А.В. Смирнова-Искандер. 1910-е гг.

взрослых. В комнату девочек была дверь из передней, и рядом кухня и пр. Екатерина Мих. Мунт с семьей Мейерхольда не жила. Она жила отдельно с мужем (Голубевым)¹⁵ и двумя дочерьми – Дашей и Машей.

Камин в кабинете Вс. Эм. был настоящий, в нем горел огонь – топили дровами. Мейерхольд любил мешать в нем угли. У окна в кабинете был расположен письменный стол. Картин на стенах я не помню. Диван и стулья по стенам, и книжный шкаф небольшой. (Книжный шкаф был и в столовой.) Пол кабинета был застелен большим ковром. В кабинете было просторно, чисто. На столе у Вс. Эм. было очень мало вещей – по обе стороны письменного прибора находились две примечательные фотографии – Вс. Эм. в детстве (года 2) и в такой же позе Ольга Мих.¹⁴ (тоже в 2 года). Ольга Мих. любила показывать эти карточки.

Обычно из Студии после занятий Вс. Эм. в те годы приглашал к себе таких студийцев – Алексея Смирнова¹⁵, Николая Щербакова¹⁶, Бориса Алперса¹⁷, Алексея Грипича (Грипич тогда ходил в военной форме)¹⁸, меня, а в 1916 г. мою сестру Веру¹⁹ и мою подругу Веру Рождественскую, бывал также брат Б. Алперса [Сергей²⁰] и первое время Юрий Бонди. (В.Н. Соловьев почти никогда с нами у Мейерхольдов не бывал.)

Принимали нас «гостеприимно» – это значит, когда мы приходили, нас ждал в столовой стол, накрытый белой скатертью, на столе кипящий самовар, пироги, пряники, орехи и др. сладости. (Мы потом полюбили

эти незатейливые угощения.) И Ольга Мих., и девочки – Маруся, Ирина, Таня – были на редкость приветливы – Ольга Мих. любила, когда мы приходили. Она была внимательна к нам, весела, разговорчива. После чая мы обычно переходили в кабинет, где играли в разные игры, танцевали.

Мейерхольд дурачился больше всех нас. Он обычно любил танцевать, изображая чиновника, гимназиста (наступая всем на ноги), военного, «важное лицо» и пр. Со мной он часто танцевал танго (которое было в моде тогда). На все его неожиданные «фокусы», импровизации приходилось отвечать тем же. Я старалась от него не отставать. Все потешались вокруг. Часто играли, сидя на ковре в кругу, придумывая разные трюки.

Первый раз я увидела Вс. Эм. в гостях у писательницы А. Тырковой²¹ – это было вскоре после постановки «Незнакомки» Блока²². В гостях были – Чулков²³, Ремизов с женой²⁴, Чуковский²⁵, профессор Корнилов и много других лиц из художественной среды того времени. Это был большой прием гостей (Блока среди них не было). Мейерхольд держался насупившись, в одиночку и очень скоро ушел, хотя вечер был организован ради него (дочь Тырковой – Соня Борман²⁶ в 1913–14 г. была в Студии у Мейерхольда и участвовала в массовке «Незнакомки»). Мейерхольда приглашали иногда состоятельные студийки (фамилии я забыла). Одна из них жила с богатым мужем на Васильевском острове. Мы пришли большой группой прямо из Студии. Все взоры были обращены на Вс. Эм. Стол был богато сервирован. Мейерхольд сел не на приготовленное ему место почетное, а примостился где-то с краю стола, среди нас, тихо посидел, ни слова не сказал и скоро ушел. В семье моего дяди Ольга Мих. и Маруся бывали иногда, Мейерхольд в нашей семье ни разу не был.

Но когда я жила вместе со своей приятельницей – одной из первых женщин-архитекторов Татьяной Матвеевной Макаровой²⁷, Мейерхольд любил бывать у нас. Жила Т.М. Макарова на Петроградской стороне на Зверинской улице, занимала очень странную квартиру. Во дворе большого дома стоял домик двухэтажный (по-видимому, когда-то это была прачечная), со двора наружная лестница вела во 2-й этаж. Там было 2 комнаты – просторная кухня с плитой и обеденным столом и комната большая рядом, где стоял стол чертежный и мебель типично кабинетная – 2 кожаных больших кресла и диван. Пол в комнате был устлан ковром. Мейерхольду нравилось все в этом домике, и очень часто после Студии он был у нас – знакомился со студентами-архитекторами,

интересовался их проектами. Очень любил сидеть и отдыхать на ковре. Но и в такой обстановке он бывал весел, но не очень разговорчив.

Бывал Вс. Эм. часто у Сафоновых (он очень высоко ценил дирижера Сафонова) и хорошо относился к его дочерям. Одна из них писала его портрет²⁸. У Сафоновых мне не пришлось быть.

Бывал Мейерхольд у Алперсов – он очень любил брата Бориса Алперса – пианиста. Мы, наверное, бывали тогда же у Алперсов, но я это плохо помню.

Помню я хорошо, как Вс. Эм. издевался и насмешничал после посещения дома Карсавиной – балерины²⁹, смеялся, как у нее скупно угощали. Над вечерами у Сологуба он тоже зло иронизировал и изображал присутствующих там лиц³⁰.

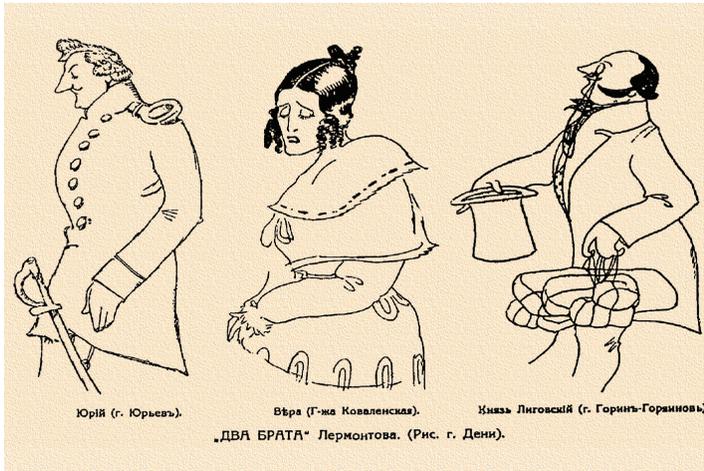
В те годы Мейерхольд любил только Блока. И о вечерах, когда бывал у Блока, рассказывал восторженно.

Футуристов Мейерхольд сторонился и на приглашения сестры журналиста Кушнера³¹, где бывали футуристы – Маяковский, Брик с Лилей Б., Шкловский и др. – отказывался³².

Мейерхольд и Пронин были старые друзья. Вс. Эм. всегда хорошо относился к Пронину и на постановку «Шарфа Коломбины» в «Привале комедиантов» согласился благодаря Пронину. Но своей постановкой и всем окружением «Привала» Мейерхольд был очень недоволен и неудовлетворен и после постановки «Шарфа Коломбины» Мейерхольд в «Привале комедиантов» больше ничего не ставил. Расчеты же его были на то, что вместе с Прониним он в «Привале комедиантов» сможет осуществить показ своей Студии и ее постановочных работ³³. М. всю жизнь мечтал о своем театре.

В.Н. Соловьева Мейерхольд невероятно эксплуатировал (все его знание западноевропейского театра), ценил, любил его, но как-то незаслуженно мало уважая. Очень, очень много дал Мейерхольду Владимир Николаевич Соловьев в отношении знакомства с народными театрами! Соловьев питал Мейерхольда своими знаниями, и благодаря Соловьеву, его неумной разговорчивости, щедрости – воображение Мейерхольда постоянно питалось его рассказами, беседами.

Соловьев ушел из Студии после того, как Вс. Эм. во время постановки «Шарфа Коломбины» в «Привале комедиантов» подчинился организаторам театра и вместо студийки, первой комедиантки Студии Кулябко-Корецкой³⁴, дал роль Коломбины «чужой» – актрисе Театра миниатюр на Литейном проспекте – балерине Павловой³⁵.

К постановке «Двух братьев» М.Ю. Лермонтова на Александринской сцене.
Шарж В.Н. Дени

С Бонди Ю. Мейерхольд разошелся из-за того, что совершенно неожиданно, не посоветовавшись предварительно с художником Студии Ю. Бонди, который преданно, как и вся семья Бонди, работал с Вс. Эм., – пригласил в Студию художника Рыкова по совету худ. Головина³⁶.

Мы с Алексеем Максимовичем всегда с большим уважением относились к Ю.М. Юрьеву. Все, что касалось внешней стороны поведения актера на сцене – походка, жест, манера держаться, – все это было в нем безукоризненно. Первый раз я видела Юр. Мих. в пьесе «Старый Гейдельберг»³⁷. В роли немецкого принца-студента он был великолепен, до конца убедителен. Мне не пришлось видеть Юрьева в «Дон Жуане», но отзыв друзей был тот же.

Началось мое разочарование в Юрьеве, начиная с постановки Мейерхольда «Два брата» Лермонтова. При всей точности соблюдения мизансцен Мейерхольда (а они были виртуозны) характер внутренних душевных движений одного из братьев не был уловлен. Юрьев в этой роли не волновал, не воздействовал на зрителя – душевного движения, подлинной страсти в нем не было, а Лермонтов без этого мертв. То же происходило и с «Маскарадом». Мейерхольд помимо массовых сцен, превосходных в своей выразительности, маскарадного вихря, тонко психологически разрабатывал монологи, дуэты. И, к сожалению,

Н.Г. Коваленская – дон Фернандо. «Стойкий принц». Александринский театр

это тоже было у Юр. Мих. пусто, не волновало так, как это было построено и задано Мейерхольдом. Несправедливо было бы сказать, что Юрьев не выделялся среди других исполнителей, внешне он сразу обращал внимание на себя – и голос его был хорош, но душевной глубины у него не было. И это было досадно, особенно в роли Арбенина.

Женщины в бывш. Александринском театре все почти были очень интересными индивидуальностями, и внешне, и по своему душевному складу. В составе женском труппы они дополняли одна другую.

Очень своеобразна, необычна, женственна, мягка, обаятельна была Коваленская (она напоминала лань). На сцене она невольно привлекала к себе зрителя, хотя не обладала большим дарованием, ни лирическим, ни драматическим. В роли Нины в «Маскараде» она была очень хороша внешне и убедительна своей жертвенностью, мягкостью, кротостью и снова женственностью.

Рощина же была более глубокая и сильная актриса. Кроме того, она прекрасно чувствовала стиль автора, форму спектакля. Рощина была очень своеобразна, интересна в пьесе Б. Шоу «Пигмалион», которую ставил Мейерхольд. Хороша она также была в «Грозе» А.Н. Островского (в постановке Мейерхольда). Много было в ней старинного, от русских обрядов, очень складно выглядел на ней костюм и все платки узорчатые. Хорошо она двигалась, по-старинному кланялась и очень убедительна

была в декорациях, созданных А. Головиным. Но подлинного драматизма, трагичности не было в ее исполнении роли Катерины. Глубоко, так как Савина (уже в старости) в роли Катерины³⁸, – Рощина не волновала.

Дорогой Константин Лазаревич, кажется, ответила на все вопросы Ваши. Если Вас интересует еще что-либо – пишите мне.

Глубоко признательна Вам, что Вы занимаетесь исследованием жизни и творчества Вс. Эм. Мейерхольда и так, как Вы это делаете, поэтому я с удовольствием отвечу на все вопросы, которые необходимы Вам, и обещая не задерживать ответ, как на этот раз.

Задержка моя объясняется занятостью перед праздниками и радостными и горестными событиями в это время.

Желаю Вам здоровья и успеха в Вашей работе.

С сердечным приветом.

А. Смирнова-Искандер

Привет мой передайте Татьяне Израилевне и пожелайте ей отменного здоровья и успеха в работе.

Автограф

22 мая 1975 г.

Дорогая Александра Васильевна!

Не знаю, как уж и благодарить Вас за Ваше большое и прекрасное письмо. Помимо всех важных для меня подробностей, которые Вы рассказываете, в нем неуловимо передана атмосфера той жизни, той поры – я ведь ее все время и пытаюсь уловить, но – довольно тщетно, надо признаться. Читая Ваше письмо, я сразу почувствовал, что много – в том числе и характер самого Вс. Эм. – воспринимал не совсем верно, мне он казался более возбужденным и более резким, что ли, у Вас он – и спокойнее, и значительнее, и приятнее. Вот это – помимо всех конкретных сведений – бесконечно ценно для меня. Так что я – Ваш должник, как говорится, «по гроб жизни». Да-да! С восхищением и признательностью целую написавшую эти, такие драгоценные для меня страницы...

Вы добры настолько, что разрешаете задавать Вам новые вопросы. Кое-какие у меня уже есть. Мне удалось разыскать программку первого представления «Шарфа Коломбины», и я теперь знаю, что первые Коломбины были Хованская и Гейнц, первые Пьеро – Альбов и Шухаев³⁹, первые Арлекины – Голубев и Давидовский⁴⁰. Среди всех этих людей полный незнакомец для меня – Альбов. Между тем, именно он играл премьеру. Не знаете ли Вы случаям, кто это такой? Хотя бы как его звали?

Далее вот такая просьба. Довольно загадочен для меня Борис Пронин. То есть я понимаю, что в нем сидел какой-то бес, постоянно побуждавший его устраивать все новые и новые кружки, театрики, подвальчики и объединять вокруг себя занятных и талантливых людей. И что он, по-видимому, был прекрасный организатор. Правильно? И что все это нравилось и пригодились Вс. Эм. Но во имя чего Пронин все это делал? Что его воодушевляло? О чем он для себя-то мечтал? В чем был даровит, кроме организации и выдумки? Был ли он Вам лично приятен по-человечески? Насколько *он* был *предан* Вс. Эмилевичу?

В.П. Веригина довольно скептически отзывалась о том, как Ильяшенко играла Незнакомку⁴¹. А как казалось Вам?

Не запали ли в память Вам разговоры с Вс. Эм. о Художественном театре, о Станиславском, о Немировиче?

Помню, Вы рассказывали, что Вс. Эм. часто ходил – и Вас водил – в цирк. Что ему особенно нравилось в цирке? Не кажется ли Вам, что в постановке блоковских пьес в Тенишевской аудитории, на ковре, многое шло от цирка? (Мне вот – кажется!) Да и в студийных «номерах» тоже? И что «циркизация театра» началась уже тогда, в 1914–1915 гг.?

Мне понятно из Ваших воспоминаний, что после «Зеленого кольца» у Мейерхольда установились хорошие отношения с Савиной⁴². А как он относился к Давыдову⁴³? Как говорил о Теляковском⁴⁴ – уважительно, дружелюбно или – с иронией и насмешливо?

Еще для меня довольно туманная проблема – его отношение к Федору Сологубу. Может быть, Вы что-нибудь можете сказать и по этому поводу?

Вот видите, какого Вы джинна выпустили из бутылки! Одно только могу сказать Вам в утешение и себе в извинение: я Вас несколько не тороплю. Когда будет у Вас свободное время и подходящее настроение, тогда и подарите мне еще несколько листков, исписанных Вашим красивым, летящим и молодым почерком. Татьяна Израилевна, конечно, тоже с увлечением и восторгом прочла Ваше письмо и – благодарит Вас как бескорыстная читательница. Она шлет Вам самый нежный привет.

А моя признательность Вам – безгранична.

Будьте здоровы и бодры! Очень желаю Вам всевозможного счастья!
Ваш К. Рудницкий

А почему Вы – Искандер? Если это не очень нескромный вопрос?

Подпис. маш. текст

Е.Н. Рощина-Инсарова – Зоя Блондель. «На полпути». Александринский театр

23 июля 1975 г.

Дорогая Александра Васильевна!

Не знаю уж, как Вас и благодарить за Ваше письмо...⁴⁵ Благодаря Вам мне многое, видевшееся приблизительно и гадательно, становится совершенно ясным и понятным до конца. Надеюсь, что в будущем новом варианте моей книги Вы почувствуете сами, как сильно Вы мне помогли. Я как-то вдруг увидел из Вашего письма Пронина до такой степени отчетливо, словно сам был с ним знаком. Да и очень многое другое обрело конкретность, четкость очертаний.

Некоторые новые вопросы возникли у меня уже в процессе чтения Вашего письма. Вы упомянули о разрыве Ильяшенко с Мейерхольдом в феврале 1916 года. Я об этом ничего не знал. Почему произошел этот разрыв?

Не сохранились ли у Вас какие-нибудь связи с семьей Александра Александровича Бернардацци⁴⁶? Дело в том, что составители примечаний к тому писем Мейерхольда не могут никак установить годы рождения и смерти А.А. Бернардацци⁴⁷. М.б., есть его родственники, потомки, которые могут ответить на этот вопрос?

В связи с Вашей работой в кино – помните ли Вы актрису Янову, которая играла Дориана Грея в фильме Мейерхольда⁴⁸? И самый фильм?

О.Э. Браз. Портрет М.Г. Савиной.
1900

Если помните, мне очень хотелось бы знать Ваше впечатление. В той же мере интересует меня и фильм Мейерхольда «Сильный человек» по роману С. Пшибышевского – м.б., Вы видели его или сталкивались с Вс. Эм. в Москве на киностудии? Или я ошибаюсь, и Вы работали в Москве в кино уже тогда, когда Мейерхольд отснял эти фильмы?

И еще один личный вопрос – какое на Вас впечатление производила Л.Д. Блок⁴⁹? Вы ведь были знакомы с ней? Я читал ее неопубликованные воспоминания, они очень эгоцентричны и неприятно сосредоточены на ее интимных, эротических переживаниях – неудовлетворенность Блоком (в этом только смысле), восторженное восхваление мужских доблестей Давидовского⁵⁰ и т.п. И общее ощущение некой самовлюбленности, поглощенности собой. Или я ошибаюсь?

Еще раз нежно и благодарно целую Вашу руку. Т.И. шлет Вам самый сердечный привет.

Ваш К. Рудницкий

Подпис. маш. текст

30 октября 1975 г.

Дорогой Константин Лазаревич!

Извините меня и на сей раз [за] мой такой запоздалый ответ на Ваше письмо. Вы, наверное, успели забыть уже свои вопросы.

Вы спрашивали об Ильяшенко, ее уходе из Студии в феврале 1916 г. Разрыв этот произошел во время постановки Мейерхольдом «Шарфа Коломбины» в театре «Привал комедиантов». Мне удалось достать сценарий своего выступления в Театральном музее на вечере, когда мы вспоминали эту постановку. Она *сполна ответит* Вам на этот вопрос⁵¹.

Относительно Александра Александровича Бернардацци. К сожалению, никакой связи с семьей Бернардацци у нас не сохранилось. Знаю только, что отец Александра Александровича и Евгения Александровича был известным архитектором, много работал в Одессе, участвовал в журнале «30 дней». Два его сына, Александр и Евгений, тоже были архитекторами. Им принадлежит проект Горного института в Свердловске (Екатеринбурге). В 1916 г. летом была закладка этого здания и начало работ. Там помощниками у них были студенты архитектурного факультета Академии Художеств – среди них и Алексей Мак. Смирнов. Мы часто в эти годы встречались с Александром и Евгением Александровичами⁵². Последний раз мы были у Евгения Александровича и Веры Мак. (его жены) в 1917 г. накануне Февральской революции после генеральной репетиции «Маскарада». Евг. Ал. позвонил нам, что им привезли настоящий китайский чай и они хотят им нас угостить. После репетиции мы были у них и ночью пешком возвращались с Петроградской стороны на Васильевский остров. Везде на улицах и площадях горели костры, вокруг которых собрались рабочие, и не было... городских. Это запомнилось на всю жизнь. С тех пор о Бернардацци мы ничего не знаем.

Относительно актрисы Яновой. Я хорошо помню ее в роли Дориана Грея. Кроме того, она снималась осенью 1918 г. в Киеве в нашей постановке «Хозяин жизни» (сценарий А. Воскресенского) вместе со Степаном Кузнецовым⁵³. Фильм Мейерхольда «Портрет Дориана Грея» среди других фильмов в те годы отличался хорошим вкусом и был очень содержателен. Он был интересен прежде всего тем, что очень соответствовал произведению Оскара Уайльда. С живописной стороны кадры его были интересны, впечатляющи, обстановка убедительна, выбрана со вкусом, изысканно, освещение разнообразно.

Янова была очень убедительна и хороша в этой роли. Мейерхольд в роли Генри – тоже, Энритон⁵⁴ (Бэзил Холлуорд) тоже был неплох, хотя уступал и Яновой, и Мейерхольду. Фильм был поставлен по театральным законам, построение мизансцен, взаимоотношения действующих [лиц] – все разрешалось, как в театре. В фильме были почти сплошь интерьеры (только несколько кадров улицы), анфилады комнат.

[Хотя] фильм был затянут, нам он очень нравился. Мейерхольд же был очень недоволен тем, что он не нашел специфики кинематографа.

И когда он принялся за работу над «Сильным человеком», то решил все строить главным образом на крупных планах, искать скульптурность, а не живописное освещение, соединять кадры резче, искать психологический рисунок и пр. Но это было неинтересно, неубедительно, надоедливо, кроме самого Мейерхольда, который был очень своеобразен, интересен, неожидан в роли Гурского (неубедителен был и Хохлов⁵⁵ в главной роли). Мы приехали в Москву (7 мая 1917 г.) и застали Мейерхольда за работой в ателье кинофабрики. Он показал нам заснятое (но не оконченное). После просмотра мы откровенно высказали свое мнение. Мейерхольду это не понравилось, он был недоволен, огорчен и больше нам фильм не показывал.

Зато в это лето у нас с ним были знаменательные встречи. Мейерхольд предложил нам заниматься и встречаться в помещении Студии Рабенек⁵⁶ (известная танцовщица, последовательница Дункан). Эти встречи с Мейерхольдом были замечательны тем, что Мейерхольд делился с нами своими мечтами о приемах постановок в результате своей работы в Студии на Бородинской. Он говорил, что мечтает о спектакле без всякого оформления на голой сцене – где главное актер и его мастерство, о спектакле, где буффонада и цирк были бы в чистом виде. Он говорил однажды, что в Островском надо раскрыть его связь с традициями народного театра, балагана. О Гоголе – о спектакле, где гротеск, фантастика были бы правдивы, где явления жизни были бы преувеличены чрезмерно.

И мне почти всегда казалось, что первые годы в своем театре он как бы спешил все эти театральные приемы осуществить, проверить их на зрителе. (Тут и «Великодушный рогоносец», и «Смерть Тарелкина», и «Лес», и «Ревизор».)

Теперь о Л.Д. Блок. Когда в 1914 г. мы пришли в Студию, Л.Д. не было – она работала в госпиталях как сестра милосердия. К сожалению, А.А. Блока я увидела раньше, чем Л.Д. На наш вечер в феврале 1915 г. Блок пришел с Дельмас⁵⁷. Я ждала своих друзей на площадке лестницы и видела, как по лестнице поднялась сначала Дельмас в черном кружевном платье с красными розами на груди и в волосах и остановилась у зеркала поправить прическу. Блок медленно поднимался по лестнице – я видела его впервые. Он похож был на типичного петербуржца – в сером строгом костюме, стройный, подтянутый. Поднимался он по

лестнице легко. Был А. Блок «божественно» красив. Пропустив свою даму, он вошел к нам в зал. Весь наш «показ Студии» просидел до конца – представление наше ему не понравилось.

Л.Д. Блок пришла к нам навестить Студию через месяц после нашего вечера. Студийцы окружили ее – мне показалось, что она больше была занята собой, чем встречей с друзьями. Мейерхольд поздоровался с ней, но ее приход в Студию никак не отметил. Мне она показалась слишком полной, некрасивой, неартистичной, занятой собой больше, чем окружающим ее (я подумала – может, она близорука?). Тогда я удивилась, как не подходит она к Блоку. И никак не могла представить их вместе.

Дорогой Константин Лазаревич, – я долго Вам не пишу, но на вопросы Ваши отвечаю охотно – «минувшее проходит предо мною»...

Как подвигается Ваша работа? Здоровы ли Вы и Татьяна Израилевна?

Желаю Вам и ей всяческих успехов в работе, а главное, здоровья.

Еще раз извините меня, что я так задержала ответы на Ваши вопросы.

С сердечным приветом

А. Смирнова-Искандер

P.S. Ваша статья в «Правде» – «Утверждение доброты» о Яншине⁵⁸ – мне очень понравилась.

Мне кажется, Вы уловили самую существенную черту в артистическом таланте Яншина.

Его Лариосик – забываем!

Очень дорого то (как это Вам удастся?), что Вы отыскали запись К.С. Станиславского⁵⁹.

Автограф

19 ноября 1975 г.

Дорогая и милая Александра Васильевна!

Я очень надеялся застать Вас в Переделкине и поговорить с Вами, – обычно-то мы каждый год почти все лето проводим там в Доме творчества.

Но в этом году все пошло наперекосяк. У нас с Т.И. получился «медицинский фестиваль», и все лето мы развлекались болезнями и врачами. И в Переделкине не жили, и в отпуск уехали невообразимо поздно: только 20 октября. Вернулись в середине ноября, и я застал дома Ваше письмо, которое меня обрадовало и восхитило. Особенно я благодарен

А.В. Смирнова-Искандер.
1920-е гг.

Вам за стенограмму, посвященную «Шарфу Коломбины»: она разъяснила мне многое и дала ответы на некоторые вопросы, давно меня занимавшие и озадачивавшие.

Александра Васильевна, милая, Вы даже и представить себе не можете, какую огромную пользу приносят мне Ваши письма. Помимо всего конкретного и точного, они дают мне еще и такое чувство уверенности, атмосферы предреволюционных лет, как будто я сам тогда жил где-то по соседству и все это сам испытал. И там, где я брел на ощупь, я теперь – с Вашей помощью – двигаюсь решительно и без колебаний.

Работа моя – хоть я и отвлекаюсь на всякие статьи, не могу не отвлекаться, т.к. живой нынешний театр все-таки очень интересует меня – приближается к концу. Думаю, что в марте-апреле, не позже, я сдам книгу в издательство. Они планируют ее выпуск в свет в 1977 году. Сперва мне казалось, что я только сделаю коррективы и дополнения – и сокращения – в прежнем тексте, но теперь все получается так, что выходит почти совсем новая другая книга. Хочется верить, что получится лучше прежней.

Просьба у меня к Вам сейчас только одна. Мне хотелось бы, чтобы Вы мне вкратце рассказали, как ухудшался быт в Петрограде в 1915–1917 годах. Какие продукты – и когда – исчезли. Какие цены – и насколько – взвинтились. Когда возник голод? Как в это время вели себя люди,

приходя в гости друг к другу? Вот Вы пошли к Бернардацци потому, что им привезли настоящий китайский чай. А с чем пили чай? Был ли хлеб? Приносили его с собой в таких случаях? Что выдавали по карточкам? Как в этих обстоятельствах жили Мейерхольды – ведь большая семья, и дети? Можно ли думать – я так думаю – что Вс. Эм. отправил семью в Новороссийск из-за голода в Петрограде? И как же он сам-то устраивался, когда семью отправил?

Ваш с мужем переезд в Москву был ли связан с тем, что в Петрограде жить стало очень трудно? Был ли свет? Ходили ли трамваи? Опасно ли было вечерами выходить на улицу? Что ели – кроме прославленной воблы и селедки?

Вероятно, как только я снова засяду за работу, – у меня возникнут и другие вопросы к Вам и, пользуясь Вашим разрешением и Вашей добротой, я снова буду к Вам приставать.

Спасибо Вам за одобрительные слова по поводу статьи о Яншине.

Мне она далась нелегко, т.к. с этой газетой очень трудно иметь дело.

Но, может быть, впоследствии я напечатаю еще эту статью в более полном и – как бы это сказать – более «артистическом» виде.

Очень Вас прошу: если Вам трудно достать какую-нибудь книгу или если я еще чем-нибудь могу оказаться полезен Вам – напишите! Для Вас я сделаю все, что в моих силах. Ибо признателен Вам безмерно и не знаю даже, как Вас благодарить.

Т.И. говорит, что Ваши письма ей во сто раз интереснее читать, чем все книги и статьи – в том числе и мои о Мейерхольде. И она тоже Вас благодарит и Вами восхищается.

Извините множество опечаток: после месячного перерыва я впервые сел за машинку.

Желаю Вам здоровья и той ясности, той свежести, которой веет от Ваших писем.

С самым сердечным приветом

К. Рудницкий

Подпис. маш. текст

28 декабря 1975 г.

Дорогая и милая Александра Васильевна!

Пишу Вам первой – среди тех немногих, кого мне искренно хочется поздравить с наступающим Новым годом. Прошлый год в моем кабинетном затворничестве Ваш голос звучал громче и чище всех.

Ваши письма помогли мне не только «по делу», т.е. по самому существу работы, но и внушали уверенность, что работа эта может оказаться полезной, нужной. А потому и работалось легче.

И среди тех немногих имен, которые я с большой радостью вспоминаю сейчас, перед началом Нового года, Ваше имя – самое... как бы это сказать? – вызывающее самое большое чувство благодарности.

А потому я желаю Вам в Новом году исполнения всех Ваших желаний и даже прихотей и капризов (хотя, думаю, Вы совсем не капризны!), желаю здоровья и всех доступных нам радостей Вам и всем Вашим близким.

Себе желаю новых Ваших писем (вопросы мои не заставят себя долго ждать!..).

Будьте всегда такой же ясной, доброй и памятной!

Т.И. желает Вам счастья, здоровья и благополучия.

Ваш *К. Рудницкий*

Подпис. маш. текст

14 февраля 1976 г.

Дорогая и милая Александра Васильевна!

Вот именно, что Вы, как всегда, прекрасно, точно, выразительно и подробно ответили на все мои вопросы⁶⁰ и избавили меня от множества неясностей и сомнений! Так что напрасно Вы себя корите за то, что, будто бы, «не смогли ответить!» Вы обладаете особым даром писать о подробностях, которые дают самое острое и достоверное ощущение времени, атмосферы, тона жизни – и это-то драгоценно... О благодарности даже и не говорю: тут никаких слов не найдешь. Но если эти путешествия в прошлое Вас не очень утомляют, то – вот Вам еще несколько вопросов, важных для меня.

1. Несмотря на множество воспоминаний и упоминаний, я все же не очень ясно представляю себе помещение и обстановку «Привала комедиантов». Знаю, что подвал, знаю, что стены были расписаны Судейкиным и др. художниками...⁶¹ Но – сколько, примерно, столиков было в зале? Сколько человек могло там поместиться? Они покупали входные билеты или просто приглашались и платили только за вино и за ужин, а не за представление? Высокая ли была сцена? Вели со сцены ступеньки в зал? Считалось ли удобным, чтобы артисты до или после представления оказывались в зале за столиками? Могли ли попасть в «Привал» люди случайные, просто с улицы – если они не были никем

Участники «Товарищества Новой драмы». Ю.Л. Ракин, Вс.Э. Мейерхольд, Б.К. Пронин, Р.А. Унгерн. 1906

специально приглашены? Студийцы Мейерхольда ходили? Не было это для них слишком дорого?

2. Вы в своих воспоминаниях (во «Встречах с Мейерхольдом») очень интересно рассказали о некоторых моментах репетиций «Шарфа Коломбины». Мне важно бы кое-что узнать о самом спектакле. В сцене свадебного бала был только один тапер (за пианино? за роялем?) или, кроме того, еще и другие музыканты? (На одном из эскизов изображен трубач!) Была на сцене еще и вторая маленькая эстрада для пианиста или музыкантов? Как – и кем – создавались «рожи пошляков» в картине свадьбы? Кто были эти пошляки? Гости? Родители Коломбины? Чем выразалось «пошляцкое» – гримом, поведением? Как – технически – выполнялось появление призрака Пьеро? Было ли – несмотря на всю компромиссность исполнения Павловой – общее ощущение в основном трагедийным или, наоборот, скорее – комедийным?

3. Что Вы запомнили о внешности – декорациях, костюмах, мизансценах – «Пигмалиона» в Михайловском театре⁶², «Зеленого кольца» в Александринском? Возникло ли у Вас тогда чувство актуальности, серьезности самой темы «Зеленого кольца» или пьеса уже тогда показалась пустой, и интересна была одна Савина?

4. Чем не понравилось Вам содержание речи Вс. Эм. 12 марта 1917 г. в Михайловском театре?⁶⁵ Я знаю, что еще в августе 1917 Вс. Эм. отзывался о большевиках более чем иронично. Но, сколько я понимаю, все же сравнительно с другими людьми театра он был настроен очень радикально и Февральской революции обрадовался? Этих – чисто политических – моментов я в своей книге касаться не собираюсь хотя бы потому, что правдиво показать политическую позицию Горького тех времен невозможно, коли так – то и Мейерхольда не следует затрагивать. Но в Вашем письме я уловил оттенок некой этической неприятности его речи. Вот это я хотел бы понять. Естественно, ни в каком случае я не буду публиковать то, что Вы публиковать не хотите. Так что стоит Вам только предупредить меня, что Вы сообщаете мне то-то и то-то по секрету, и тайна будет соблюдена!

5. Вы живете на Бородинской. Сохранился ли дом № 6, где была Студия? Сохранился ли концертный зал? Что там теперь?

Я знаю, что «один дурак может задать больше вопросов...» и т.д. Так что простите меня! И отвечайте только на те вопросы, которые Вам самой кажутся занятными!

Шлю Вам самый нежный привет – свой и Т.И.

К. Рудницкий

Подпис. маш. текст

13 марта 1976 г.

Дорогой Константин Лазаревич!

Постараюсь ответить на Ваши вопросы (хотя опять с опозданием!)

Помещение «Привала комедиантов» мне вспоминается так: с улицы Халтурина вели ступеньки в подвал. Спустившись, Вы попадали в небольшую комнату, в углу которой находился камин (а прежде была, наверное, плита). Камин был сделан по рисункам архитектора И.А. Фомина, рядом с камином (после окончания ремонта) находилась стойка с напитками и около нее табуретки. Прямо вела низенькая дверь в чулан – кабинет дирижера.

Налево от входа – дверь в зал. Зал был со сводами, низким потолком и по размеру небольшой. В глубине его – арка, ведущая на сцену. Сцена помещалась на небольшом возвышении, помосте, с которого свободно можно было сойти в зал. На сцене потолка не было, а слева вела в первый этаж деревянная витая лестница. Там на площадке I этажа помещался небольшой оркестр, пианино. Там находились рабочие, помреж и артистические уборные.

Б.К. Пронин. 1900-е гг.

Расписаны стены «Привала» были художниками Судейкиным, Яковлевым и Григорьевым.

На генеральной репетиции и первом спектакле в зале стояли простые деревянные скамьи. А потом помещалось, по-моему, столиков 20–25 (точно не могу сказать). Вначале публика была главным образом артистическая – актеры театров, художники, композиторы, архитекторы. Потом посещала в сезон 1916–17 богатая, буржуазная публика. Наши актеры говорили, что неприятно было перед ней, сидящей за столиками, выступать. Наши актеры вниз после спектакля не спускались. Когда были концерты, а не спектакль «Шарф Коломбины», тогда часто исполнители со сцены переходили в зрительный зал.

(Тапер, насколько мне помнится, в сцене свадьбы находился в зрительном зале. Сидел около подмостков сцены и отсюда дирижировал оркестром, находившимся за кулисами, и танцами массовки.)

«Пошляками» были вся массовка – и родители невесты, и гости. Grimы были уродливые, безобразные, фигуры и движения – тоже. Появлялись на свадьбу все по парам во главе с родителями чинно, но вскоре начиналась какофония, менялись партнерами, искали их, не находили, и ритм из медленного превращался в скачущий. Все было уродливо, гротесково, безобразно, фантастично, страшно – опаздывающая Коломба, улетающий «под небеса» Арлекин и пр.

Впечатление от всего спектакля было трагическое и комедийное – одновременно.

Над ролью Коломбины с Павловой после нескольких попыток Мейерхольд почти перестал работать (ему претила, ненавистна была ее танцевальность). И всю ее роль он сделал через Пьеро и Арлекина. Он так умел и делал иногда в других спектаклях – подавая роль одного через отношение и поведение другого лица – партнера. А с Пьеро и Арлекином ему было легко, и он очень детально и тонко развил их поведение и обращение с Коломбиной. А аксессуары, игра с ними, мизансцены были изобретательны и выразительны. А роль Коломбины была сделана в сценах с Пьеро и Арлекином статично, только с разными ракурсами, поворотами ее фигуры, головы – она сидела или стояла.

Призрак Пьеро (насколько я помню, появлялся откровенно, просто, обычно) был отмечен только лучом света.

Сколько брали за вход и брали ли отдельно деньги за спектакль, – я не знаю. Знаю только, что публика студенческая, обычная, театральная там не бывала. Мы – студийцы, кроме занятых в спектакле «Шарфа», в «Привале» в сезон 1916–17 гг. почти не бывали. Не бывал там и Вс. Эм.

Небольшая характерная деталь того времени. Алексей Смирнов заканчивал архитектурный факультет Академии Художеств и скрывал от своего отца, что занимается в Студии Мейерхольда, а тем более свое участие в роли Арлекина в театре «Привал комедиантов». Но вот один видный архитектор встречает отца А. Смирнова и говорит, что вчера видел Вашего сына в театре, и стал расхваливать его исполнение на все лады. Отец был смущен, не зная, что ответить. Отсюда я знаю, что театр «Привал комедиантов» и спектакль «Шарф Коломбины» посещали и, видимо, многие архитекторы.

Спектакль «Пигмалион» со стороны из зала, к сожалению, посмотреть не удалось. Я участвовала в массовке вместе с другими студийцами, и Вс. Эм. принимал участие в этой массовке. Вместе с Мейерхольдом мы стояли под зонтиками, перебегая с одной стороны сцены на другую. Мейерхольд дирижировал, диктовал нам, когда дождь якобы становился меньше, прикрывать зонтик, потом поспешно все их открывать, потом Вс. Эм. перебежал к нам, подняв воротник, становясь то под один зонтик, то под другой (ужасно нас смешил), но в массовке у каждого было свое задание, и мы его выполняли, и говорят, что массовка получилась живая, интересная.

Ю.П. Анненков.
Портрет Вс.Э. Мейерхольда.
1926

Зинаиду Гиппиус Мейерхольд не любил, а вслед за ним и мы относились к ней и Мережковскому отрицательно. Но, объективно говоря, благодаря постановке Мейерхольда ее пьеса «Зеленое кольцо» получилась интересной, содержательной. В ней говорилось о конспиративной, подпольной работе молодежи, об их объединении (даже чувствовалась некоторая революционность во всем), и выражено это было интересно в мизансценах, в собрании гимназической молодежи за круглым столом, в особом освещении. Очень хороша была Савина в эпизодической роли тетки, а также убедительна была в главной роли Рощина-Инсарова. Мейерхольд сумел эту пьесу насытить глубоким психологизмом, тонкой психологической разработкой линии поведения действующих [лиц] (что, наверное, и пленило Савину), и пьеса выглядела глубокой и значительной.

Мейерхольд всегда был искренен, и убежденность его революционная была не только театральной (это почувствовали сразу после прихода в Студию), но он постоянно поддавался чьему-либо влиянию, и от этого иногда зависели не присущие ему высказывания и поведение. Выступал же Мейерхольд публично почти всегда плохо.

И на сей раз 12 марта 1917 г. в Михайловском театре, ненавидя буржуазную публику, буржуазный вкус и налет, присущий «Миру искусства», «Аполлону» и его приверженцам, особенно не любил Вс. Эм. художника и режиссера, главаря «Мира искусства» Александра Бенуа.

И, выступая с кафедры театра 12 марта, Мейерхольд вдруг, вместо защиты своих мыслей о революционном театре, стал поносить буржуазное искусство «Мира искусства» в лице его представителя Александра Бенуа, стал сводить старые счеты с критиками его постановок в «Аполлоне» и пр. Ему кричали из зрительного зала: «Перестаньте перемывать грязное белье». Он замолчал и, гордо скрестив руки, стоял на сцене. А нам было обидно очень, что у Мейерхольда было такое, недостойное его чести выступление.

В дни Февральской революции на улицах, в учреждениях – всюду в городе, в Петрограде царил необыкновенный революционный подъем. Зараженные этим революционным подъемом, мы пришли в Студию, но застали настроение студийцев далеко не одинаковым. Мейерхольд же был на нашей стороне, и так продолжалось весь март месяц 1917 г. до нашего отъезда. Веригина потом передавала нам, что, когда мы уехали, многие радовались – «наконец-то уехали эти “злые гении” Мейерхольда»⁶⁴.

Насколько мне помнится, осенью 17 г. в Москве Мейерхольд голосовал «за большевиков», а у себя дома при нас восторженно и убежденно говорил о В.И. Ленине (сестра его⁶⁵ тогда перед выборами принесла сплетни с базара, что Ленин – германский шпион и пр.).

Дом № 6 на Бородинской сохранился. В свое время (когда там занималась Студия М.) это был «Дом инженеров путей сообщения», и во 2-м этаже этого здания находился зал, где шли занятия Студии. Теперь там – железнодорожный техникум.

Дорогой Константин Лазаревич!

Одно время я очень беспокоилась – здоровы ли Вы, Татьяна Израилевна, все ли у Вас благополучно и идет ли бесперебойно Ваша работа над книгой. Но когда ко мне приехала Alma Law и рассказала, что все у Вас хорошо, что Вы продолжаете работу над «Мейерхольдом», а Татьяна Изр. начала работу над книгой о Гордоне Крэге (чем меня очень заинтересовала), то я успокоилась. И теперь желаю Вам и Т.И. здоровья и непрерывной работы, чтобы по возможности ничто не мешало Вам.

Шлю самый сердечный привет и лучшие пожелания.

А. Смирнова-Искандер

К XXV съезду я сдала литературную программу «Чичерин» с музыкой Моцарта⁶⁶ (исполнители арт. Ленконцерта Г. Ямпольский и пианист Игорь Лазько).

Когда работала над программой, то из библиотеки брала книгу Чичерина о Моцарте. Достать ее здесь в магазинах невозможно.

Если бы Вы смогли мне ее достать в Москве и выслать, я была бы очень-очень благодарна Вам.

Чичерин. Моцарт. Изд. «Музыка», 1973 г.

АС

Автограф

6 апреля 1976 г.

Дорогая Александра Васильевна!

Рад, что мне удалось – хоть и не сразу – исполнить Вашу просьбу. С великой охотой постараюсь раздобыть для Вас все те книги, которые Вам понадобятся. Так что, пожалуйста, не стесняйтесь и сознавайтесь: какие еще книги Вам нужны?

В моей работе над Мейерхольдом сейчас пауза. Занят весь апрель скучными институтскими делами, потом мы с Таней уедем на две недели в Ялту (оба очень устали), вернемся 5–6 мая, и я снова усядусь за книгу. И буду приставать к Вам с новыми вопросами.

А пока шлю Вам самый нежный привет от нас обоих. Берегите себя, свое здоровье!

Бесконечно Вам благодарный

К. Рудницкий

Автограф

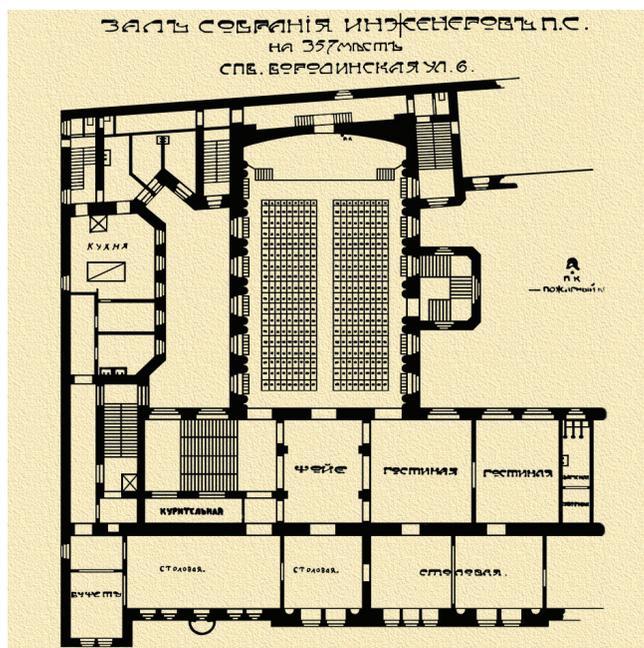
28 октября 1976 г.

Милая и дорогая Александра Васильевна!

Вы очень обрадовали нас обоих – и Таню, и меня – Вашим письмом⁶⁷. Спасибо Вам огромное за Ваш сердечный отзыв о Таниной статье. Он ей тем более дорог, что она очень ценит Ваше мнение. Кроме того, Таня работает (в отличие от меня) очень мучительно, трудно, печатается редко, и потому Ваш отклик для нее вдвойне радостен.

Что же до меня, то я все лето болел, перемогаясь, писал, и кусочек будущей книги (главу о «Лесе») Вы сможете прочесть в журнале «Театр», в №№ 11 и 12⁶⁸. Мне, конечно, бесконечно важно было бы узнать, какое впечатление произведет на Вас эта глава.

Достали ли Вы том «Переписки» Мейерхольда, по-моему – замечательный? Если не достали, напишите, постараюсь для Вас раздобыть.

План зала, в котором проходили занятия Студии на Бородинской

Вопросы мои скоро получите! Ноябрь я вынужден буду отдать институтским обязанностям: служба есть служба! А в декабре снова примусь за книгу и тогда уж начну к Вам приставать.

Шлю Вам самый нежный привет и самые искренние пожелания здоровья и бодрости духа.

Ваш *К. Рудницкий*

Автограф

18 ноября 1976 г.

Дорогая Александра Васильевна!

Я несколько не сомневаюсь в том, что «Переписка» Вас взволнует и обрадует. Скоро пришлю Вам еще один маленький подарок – каталог выставки Мейерхольда⁶⁹. Выставка была в 1974 году, а каталог выходит только сейчас, но он симпатичный, и там есть занятные фотографии.

Вполне понимаю и отчасти разделяю Ваш гнев против Алперса. И все-таки: простите его. Да, он виноват, и долгие годы (с 1937 по 1957

примерно) писал о Мейерхольде скверно, только – скорее во вред себе, а не Мейерхольду. Вся грязная и вздорная словесность этих лет забудется и сгинет. Но раньше-то некоторые спектакли Мейерхольда (например, «Командарм-2») никто лучше Алперса не понял, никто лучше, чем Алперс, о них не писал⁷⁰. И это – останется навсегда. Кроме того, как ни странно, в те же годы 37–57 Алперс в своих лекциях студентам ГИТИСа рассказывал о Мейерхольде так, что они в Мейерхольда влюбились на всю жизнь. Вообще, Б.В. Алперс – фигура сложная, в каком-то смысле трагическая. Талант огромный, судьба – изломанная. Я и сам, бывает, злюсь, читая его, но и – жалею его. Последние годы жизни он был очень одинок. Все мейерхольдовцы от него давным-давно отвернулись. Из ГИТИСа, где студенты его обожали, Алперса изгнали, его оттуда выжили такие рептилии, как Ростоцкий, Асеев⁷¹ и т.д. Театроведение – это ведь террариум!..

Шлю Вам самый нежный привет. Что касается Таниного Крэга, то работы у нее еще минимум года на два!⁷² Она очень Вам благодарна за живые строчки о ее Барро⁷³.

Будьте здоровы и бодры!

Ваш *К. Рудницкий*

Автограф

24 декабря 1976 г.

Дорогая Александр Васильевна!

Спасибо Вам за письмо⁷⁴. Мне очень важно, что начало «Леса» понравилось Вам: это ведь главка из будущей новой книги. Еще важнее, какое впечатление произведет на Вас окончание (оно будет в № 12 «Театра»).

Хочу выпросить у Вас подарок. Не сохранился ли у Вас старый, до-революционный план Петербурга? (Или советский 20-х годов?) Я плохо знаю Ваш город, а мне надо бы ясно себе представлять маршруты Вс. Эм. – откуда, куда, по какой улице он шел и т.д. Если вдруг найдется – подарите!

Извините нахальство этой просьбы!

От всей души мы оба желаем Вам всего самого лучшего в Новом году – прежде всего, здоровья, ясности и духовного спокойствия.

Нежно целую Вашу руку.

Ваш *К. Рудницкий*

Автограф

4 февраля 1977 г.

Дорогая Александра Васильевна!

О смерти Веры Васильевны [Смирновой] я, конечно, тогда же узнал из газет и не писал Вам по этому скорбному поводу, т.к. понимаю, что никакие слова сочувствия нам – если уж случается такая беда – помочь не могут. Одно утешение, что Вера Васильевна очень много и плодотворно работала в последние годы. Успела увидеть свои книги, вышедшие в свет, и – порадоваться их успеху. Для человека, который отдал всю свою жизнь литературе, это – большое счастье, хорошо, что оно ей выпало. И еще: не жалейте, что Вы не смогли из-за болезни поехать в Москву. Лучше Вам помнить ее живую.

Спасибо Вам за добрые слова о моем «Лесе». Благодаря Вам я поверил, что не зря заново написал почти всю книгу. Теперь мои надежды на то, что она будет напечатана, стали несколько более реальными: издательство осмелело, и со мной подписали договор. Конечно, никаких гарантий он не дает, но все же хоть что-то обещает.

Летом буду заканчивать рукопись и надоедать Вам вопросами.

А Татьяна Изр. пишет книгу о Гордоне Крэге и просит меня узнать, не видели ли Вы его «Гамлета» в Художественном? Если видели, то какие впечатления произвел на Вас спектакль и – что запомнилось?

Мы оба шлем Вам самые нежные приветы и – пора уже в этом признаться! – очень Вас любим.

Берегите себя. Не позволяйте себе нервничать. Помните: в Ваши годы старинное изречение выворачивается наизнанку, и от здоровья духа зависит здоровье тела.

Ваш *К. Рудницкий*

Автограф

30 марта 1977 г.

Дорогая и милая Александра Васильевна!

Извините, что с запозданием отвечаю на Ваше письмо⁷⁵: немного приболел, а за время болезни накопилась тьма всяких дел, и пришлось ими заниматься. Ваш добрый отзыв о статье про «Лес» очень меня обрадовал. Эта статья – кусок будущей книги и, если она Вам нравится, то есть надежда, что и книга придется Вам по душе. Мне это очень важно, т.к. я верю Вам и Вашему «слуху» безусловно.

И вот, кстати, очень каверзный для меня вопрос, который, думаю, только Вы можете решить. У меня возникли не то чтобы споры,

но – некие разногласия с А.П. Мацкиным, очень умным и серьезным ученым, посвятившим Мейерхольду большую часть своей книги «Портреты и наблюдения»⁷⁶. Он, А.П. Мацкин, считает, что в те годы, когда Вы знали хорошо Всеv. Эмильевича, Мейерхольд чувствовал себя гонимым, враждебным власти и «обществу», одиноким, что он в атмосфере травли, гонений в любую минуту мог оказаться на улице без гроша в кармане и т.д., и т.п. Отсюда – по Мацкину – и революционность Мейерхольда, и его пресловутая подозрительность.

Я прекрасно знаю, что в императорских театрах Мейерхольду было неуютно, что он – как рассказано у Вас, в Ваших воспоминаниях, там, в Александринке и в Мариинке, всегда был готов «получить в спину удар кинжалом». Но я знаю и другое, что в это время у Мейерхольда уже было «имя», была громкая слава, репутация большого мастера, что его приглашали другие театры и что опасность «остаться на улице, без гроша» ему не угрожала. Мне-то кажется, что преувеличивать политическую «воспаленность» Мейерхольда не стоит, что в эти годы (во время войны) искусство было для него важнее политики⁷⁷, что народная стихия *театра* больше способствовала его сближению с революционным народом после Октября, нежели то, что он будто бы ощущал себя парией, «человеком зависимым, служащим, который, – как сказано у Мацкина – не мог себе позволить забыть, что он служащий». Я-то думаю, что об этом как раз он *всегда забывал*. Что он вообще был прежде всего – до мозга костей – человек театра.

Но, может быть, вполне вероятно – я не прав?

Вот почему я и прошу Вас ответить на этот вопрос. И, в частности, такие события, как неудачи на фронте, убийство Распутина и т.д. и т.п. – насколько они занимали Мейерхольда? Говорил ли он об этом? Часто ли? Что думал – в годы войны – о ближайшем будущем России? Делился ли такими мыслями со студистами и студистками?

Мне было бы очень важно знать Ваше мнение по этому поводу.

Спасибо Вам за указание на Вл. Ник. Мюллера⁷⁸ – мы с Таней обязательно к нему обратимся.

Шлю Вам самый сердечный привет от нас обоих.

Нужно ли говорить, что всем сердцем желаем Вам доброго здоровья, спокойствия, душевной ясности.

Искренне Ваш

К. Рудницкий

Автограф

13 июля 1977 г.

Дорогая Александра Васильевна!

Мне очень приятно было получить Ваш сердечный отклик⁷⁹ на статью о Товстоногове⁸⁰, вдвойне приятно было узнать, что Ваша дочь⁸¹ называет меня «твой Рудницкий». Быть «Вашим» – для меня и лестно, и радостно!

Не ревнуйте к другим темам: книга о Мейерхольде закончена, т.е. буквально доведена до конца, до последней точки. Это, правда, еще не значит, что она – завершена. А.П. Мацкин прочел рукопись и сделал множество замечаний, в большинстве дельных и полезных. А сейчас книгу читает редактор, умный, молодой и талантливый человек⁸². Когда он прочтет и скажет, какие у него придирки, тогда уж я сразу сделаю все – и то, что требует Мацкин, и то, чего потребует редактор. Вероятно, все это я буду делать в августе – сентябре. И буду надоедать Вам вопросами.

Что касается некоторых моих разногласий с А.П. Мацкиным, то Вы, как обычно, дали мне абсолютно ясный и исчерпывающий ответ и полностью избавили меня от всяких сомнений по этому поводу.

Очень рад буду передать А.П. Мацкину Ваше мнение о его работе. Это доставит ему большое удовлетворение. У него, кстати, вышла сейчас прекрасная книга об Орленеве⁸³.

Шлю Вам самые нежные приветы, мои и Т.И. И – поблагодарите дочь за добрые слова про статью, которая заставила меня выдержать двухнедельную изнуряющую войну с редакцией «Лит. газеты».

Ваш *К. Рудницкий*

P.S. Где Вы летом? Неужели в городе? Надо бы Вам на дачу, на воздух!

Автограф

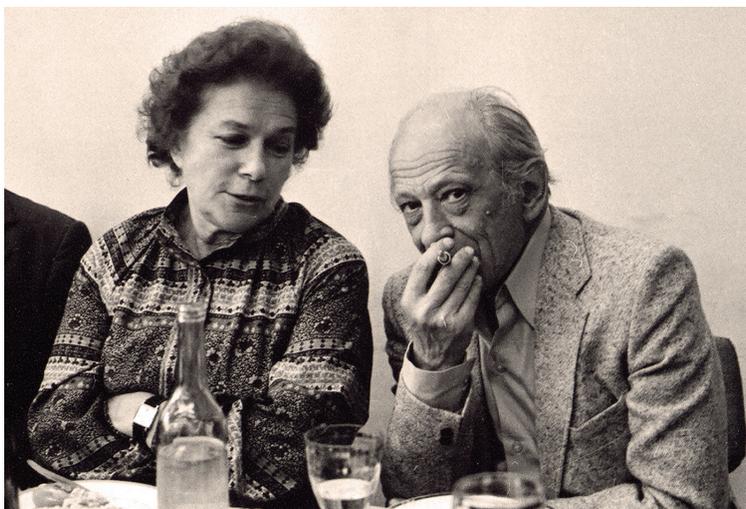
22 января 1978 г.

Дорогая Александра Васильевна!

Спасибо Вам за весточку⁸⁴ и за внимание: совсем потонул в работе и долго молчал. Простите!

В октябре мы отдыхали возле Сочи в санатории ВТО «Актер», и там оказалось прекрасно.

Вернулись, и дела нас захлестнули с головой. Я в основном занят книгой о Вс. Эм. Работаю теперь с редактором, есть надежда, что в будущем году книжка выйдет. Часто – и с благодарностью – цитирую в ней Ваши прекрасные письма.

М.Н. Строева и К.Л. Рудницкий. Фото И.А. Александрова. Музей МХАТ

Т.И. тоже в цейтноте. Не знаю, когда напишет «всего Крэга», но пока что готовит для издательства «Наука» книгу «Шекспир и Крэг». Насколько я могу судить, получается очень интересно. Месяц назад отметили 85 лет ее мамы⁸⁵ (она живет с нами), а сегодня Тане – 60 лет. Странно: я до сих пор воспринимаю ее как ребенка, хотя и нашей совместной жизни больше 30 лет! Какой-то древний мудрец говорил: часы идут, дни бегут, а годы летят.

И, правда, летят!

Хотелось бы все же успеть сделать все, что назначено. Поэтому бодрости мы не теряем и смотрим в будущее весело.

От всего сердца желаем Вам здоровья, несравненной Вашей ясности, душевного покоя!

Ваш *К. Рудницкий*

Автограф

21 февраля 1978 г.

Дорогая и милая Александра Васильевна!

Еще несколько вопросов в расчете на Вашу счастливую память.

Сколько надо было платить за обучение на Бородинской? Менялась ли плата? Как часто (раз в месяц?) и кому следовало ее вносить?

После занятий в Студии Вы нередко направлялись с Вс. Эм. к нему домой. Как? Пешком? На трамвае? На извозчике? Как ездил Вс. Эм. из дому в Александринку или в Мариинку? Трамваем? А вдруг Вы помните номер трамвая? Сколько стоил трамвайный билет? Сколько брал извозчик от роты Изм. полка, допустим, до Театральной площади?

Приносил ли Вс.Э. в Студию очередные номера журнала «Любовь к трем апельсинам»? Обсуждали ли Вы с ним содержание этого журнала? Считал ли он необходимым, чтобы все студийцы этот журнал читали, выписывали?

Вы прекрасно рассказывали мне о том, как Блок с Дельмас побывали на Бородинской, и написали «представление наше ему не понравилось». Что же именно он сказал? Кому? От кого Вы узнали? Говорили ли Любовь Дмитриевна об этом – т.е. о том, что Блоку не понравилось?

Мне кажется (м.б., я выдумываю, такое впечатление осталось от некоторых писем), что Веригина была какое-то время влюблена – и без взаимности – в Вс. Эм. Я ошибаюсь? Вообще – что она была за человек? Добрая? Не очень? Практичная? Серьезная? Ревнивая? Вижу, что умная, а добрая ли – не уверен.

Где работали Е. Мунт и Голубев в годы Студии на Бородинской? Бывали в Студии? Как относилась Ек. Мих. к Студии?

Вот видите, сколько вопросов!

Но – я Вас *не тороплю* и не хочу, чтобы Вы утомлялись, отвечая мне. Напишите, когда будет настроение, свободное время и когда захочется, ладно?

Рукопись мою читает редактор (хвалит!), я пока собираю иллюстрации. Ваш подарок – фотография Арлекина А. Смирнова – доставил мне огромную радость. Надеюсь, удастся ее отреставрировать, и тогда я Вам пришлю красивый увеличенный отпечаток. Пьеро – Мейерхольд (фотография, напечатанная в «Переписке» под №13) досталась мне в таком же бледном виде, а посмотрите, как хорошо вышел! М.б., и на этот раз получится не хуже. При всех условиях, благодарю Вас очень и очень: я многое понял, разглядывая эту фотографию. Над текстом тоже работаю каждый день, как каторжный. Хочется сделать так, чтобы всем интересно было читать. Трудно! Сокращая одно, дописываю другое!..

Шлю самый нежный и самый сердечный привет. Т.И. присоединяется и просит передать Вам благодарность за Ваши добрые слова.

Ваш К. Рудницкий

Автограф

21 апреля 1978 г.

Дорогая и милая Александра Васильевна!

Некоторые отрывочки из Вашего письма⁸⁶ (как и из прежних писем) я прямо, без всяких корректив, перенес в текст книги. Так что Вы постепенно стали моим соавтором: весь период войны, Студии на Бородинской и начала революции написан либо с Ваших слов, либо – Вашими словами.

И я благодарен Вам безмерно.

Книга кончена, над ней сидит редактор, собираются в этом году сдать ее в набор.

Я сейчас занят иллюстрациями. Арлекин – А. Смирнов получился хорошо, и я Вам скоро пришлю отпечаток. А оригинал – хранится (навечно) в Бахрушинском музее.

Мы с Таней оба нежно поздравляем Вас с праздниками, которые близятся, желаем Вам всего самого доброго – особенно же здоровья и духовного покоя.

Ваш *К. Рудницкий*

Автограф

18 июля 1978 г.

Дорогая и милая

Александра Васильевна!

Простите мне долгое молчание. Объясняется оно тем, что тяжело заболела и – к величайшему нашему горю – в самом конце мая умерла мама Татьяны Израилевны. Хотя она прожила долгую жизнь и умерла на 86 году, все же и для Тани, и для меня это был тяжкий удар, мы оба очень ее любили, очень надеялись выходить и спасти, но, увы, не удалось.

Теперь постепенно приходим в себя. Начинаем постепенно работать.

Издательство, перепугавшись статьей о «Пиковой даме», несколько отложило моего Мейерхольда⁸⁷. В их каталоге он объявлен теперь только на IV [квартал] 1979 года. Что делать: к таким помехам и проволочкам я давно уже привык.

Мы оба шлем Вам самые сердечные приветы.

Берегите себя!

Ваш *К. Рудницкий*

Автограф

12 января 1979 г.

Дорогая Александра Васильевна!

То ли наши письма разминулись, то ли мое письмо вообще до Вас не дошло, но перед Новым годом я Вам писал⁸⁸.

Сызнова, но все так же искренне от всех наших душ – и Таниной, и моей – желаю Вам в Новом году всего самого доброго: неизменной Вашей душевной ясности, спокойствия, хорошего настроения. Хотим, чтобы Вы чувствовали себя бодро и чтобы жилось Вам – по возможности! – легко!

Книга о Мейерхольде сдвинулась с места. Редактор над ней работает, и, если не явятся новые помехи, можно надеяться, что в начале 1980 года она выйдет.

Тем более важно было бы мне узнать Ваши соображения об Офицерской. Сейчас Ваши советы я мог бы своевременно использовать. Не говоря уже о том, что Ваше мнение для меня всегда и во всех случаях исключительно важно.

Если Вам попадет журнал «Литературное обозрение» № 12 за 1978 год, возможно, Вас позабавит моя небольшая статейка о Станиславском⁸⁹. Она – веселая.

Татьяна Изр. много болела, и у нее правая (единственная) ножка распухла в колене, и она больше двух месяцев практически ходить не могла. Но – сидела за столом и писала своего Крэга. Сейчас опухоль спала, и она начинает выходить «в свет» и на работу. Вот и все наши небольшие новости. Весной (в марте-апреле) я обязательно буду в Ленинграде. Надеюсь Вас повидать.

Шлю Вам наши самые нежные и сердечные приветы.

Ваш *К. Рудницкий*

Автограф

30 января 1979 г.

Дорогая и милая Александра Васильевна!

Спасибо Вам за подробное, значительное и умное письмо⁹⁰. Когда Вы мне *так* пишете, у меня возникает счастливое чувство, что все-таки не зря работаю, что есть люди, которым это важно, интересно, а если даже Вы и не во всем со мной согласны, то тем лучше: я ведь Вам верю и охотно Вас послушаюсь.

Конечно, в книге вся ситуация Комиссаржевская – Мейерхольд будет с точки зрения и человеческой, и художественной – раскрыта под-

робнее. И многие Ваши советы и замечания совпадают с тем, что сделано там, в книге. А кое-что я еще успею уточнить, как Вы советуете.

Читатель книги придет к этой теме, т.е. к Комиссаржевской, уже хорошо зная, что делал и куда стремился Мейерхольд и на Поварской, и в Товариществе новой драмы. Так что *его* намерения и цели будут понятны. Что касается В.Ф. Комиссаржевской, то она (судя по всем ее письмам этой поры) сперва готова была идти за Мейерхольдом куда угодно. Ее сознательность и принципиальность не стоит преувеличивать, как это многие делают. И даже Вы, я думаю, идеализируете ее, когда пишете, что она «хотела ролей более глубоких психологически». Боюсь, что дело обстоит проще. Актриса, она хотела одного: громового успеха, оваций, славы, причем славы такой, которая затмила бы ненавистную Савину, – славы новатора, дерзко открывающего новые пути. А потому «Беатриса» принесла ей то, чего она желала, – в полной мере. И если бы Мейерхольд мог и хотел в каждом спектакле давать ей такой триумф, все было бы в порядке.

Но он-то совсем о другом думал, вот и вся причина раскола.

В остальном я охотно с Вами соглашаюсь. Мне в этой статье важно было прежде всего просто опубликовать многие интересные документы, касающиеся их обоих.

Надеюсь, что в книге Вы увидите Всеволода Эмильевича таким, каким его сохранила Ваша память. Во всяком случае, я к этому стремлюсь. И, конечно, он будет все время на первом плане, обязательно!

Еще раз – спасибо Вам огромное.

Мы с Т.И. шлем Вам самый сердечный привет и самые лучше, самые добрые пожелания!

Ваш *К. Рудницкий*

Автограф

2 августа 1979 г.

Дорогая и милая Александра Васильевна!

Очень рад не только тому, что мои «Кентавры»⁹¹ Вам понравились, но еще больше – тому, что Вы так внимательно и так доброжелательно следите за моей работой⁹². Спасибо!

«Мейерхольд» в августе уходит в типографию. В издательстве все относятся к книге очень любовно, грешно было бы жаловаться. Но «вышестоящие инстанции»! Это какой-то трагифарс. Например, последующее указание (письменное!), чтобы в книге о Мейерхольде

иллюстраций было бы меньше, чем в книге о Станиславском. Они, оказывается, считают, где сколько картинок! Между тем, автор книги о Станиславском, моя приятельница Е. Полякова⁹⁵, хотела, чтобы картинок у нее было поменьше, т.к. иначе ей пришлось бы сокращать текст. Она сократила иллюстрации по собственной воле, а теперь я должен был их сокращать, дабы «не обидеть» Станиславского!

Но это еще цветочки. Ягодки начнутся, когда «инстанция» (называется – Госкомиздат) примется читать книгу (они уже потребовали рукопись, но мы им ответили, что рукописи нет, и пообещали прислать верстку. Тогда они сказали – хотите верьте, хотите нет, – «проследите, чтобы в тексте не было слова «гений»!). Чтобы их одолеть, надо лукавство Фигаро (это у меня есть!) плюс ангельское терпение (этого маловато!). Тем не менее, хочется верить, что в будущем году книга выйдет.

Мы оба здоровы – более или менее. У Тани в «Театре» № 7 вышла статья ««Макбет» Гордона Крэга», м.б., заинтересует Вас.

Отдыхать собираемся в октябре – просим путевки в «Актер» в Сочи. Не знаю, дадут ли. Прошлый год не дали. А Вы на юг – куда именно хотите?

Оба шлем Вам самые нежные приветы и желаем Вам здоровья, бодрости, ясности!

Ваш *К. Рудницкий*

Автограф

22 января 1980 г.

Дорогая Александра Васильевна!

Действительно, я виноват: сперва очень устал и замотался, а потом мы с Т.И. уехали отдыхать в Кисловодск, где и встретили – в одиночестве и тишине – Новый год. Там было хорошо, солнечно и спокойно. Особенно радовали нас белки, которые прибегали к нам в комнату, шалили и ели у нас из рук. А вернулись, и снова Москва захлестнула сумятицей дел, работы и суеты.

С «Мейерхольдом» на сегодняшний день все обстоит как будто хорошо. С.И. Юткевич дал прекрасный отзыв о книге, и Госкомиздат пока успокоился. Рукопись в типографии, по плану она должна выйти в свет в этом году. Но, думаю, реально это означает, что она выйдет в начале 1981 года, если Госкомиздат еще чего-нибудь не придумает.

Это – удивительное учреждение! Совершенно неожиданно они распорядились в 1981 году выпустить новое издание сборника статей

и речей Михоэлса, над которым я работал давным-давно и который вышел еще в 1965 году. Конечно, я рад, но понять их логику даже не пытаюсь.

Т.И. неожиданно нашла два редчайших издания Шекспира – одно с гравюрами Крэга, другое – с рисунками Пикассо – и написала очень интересную статью «Гамлет, Крэг, Пикассо», которая принята в журнале «Театр» и, надеюсь, летом появится⁹⁴. Я много кое-чего написал – одна статья вышла в «Театре» № 12⁹⁵, другая (о фильме «Осенний марафон») будет в «Искусстве кино» № 3⁹⁶. Вы ходите в кино? Я очень хотел бы, чтобы Вы посмотрели фильм Панфилова «Тема». К весне эта картина выйдет на экраны.

Вы понимаете, конечно, что мы оба желаем Вам в Новом году всего самого лучшего и шлем Вам свою любовь. М.б., Вы хотели бы, чтобы я достал Вам какую-нибудь книгу? Был бы счастлив Вам угодить!

Ваш *К. Рудницкий*

Автограф

*Публикация, вступительная статья и комментарии
В.В. Иванова*

¹ Вся дальнейшая творческая деятельность А.В. Смирновой-Искандер и А.М. Смирнова проходила совместно: супруги вместе снимали фильмы, ставили спектакли, преподавали. Александра взяла себе сценический псевдоним «Искандер» (в юности она получила это прозвище от своих узбекских соседей). В 1918–1931 и 1934–1938 гг. Смирновы работали как артисты и режиссеры в украинских театрах: с Лесем Курбасом в театре-студии «Березиль», с Гнатом Юрой в театре им. Ивана Франко, в Краснозаводском театре Харькова, Одесской украинской госдраме. С 1926 г. Смирновы руководили Киевским украинским рабочим театром, с 1934 г. – Донецким музыкально-драматическим театром. В 1938 г. Смирновы вернулись в Ленинград и возглавили Современный театр. А.М. Смирнов умер в блокадном Ленинграде. После войны А.В. Смирнова занималась режиссурой, создавая программы для артистов-чтецов.

- ² Книга К.Л. Рудницкого *«Спектакли разных лет»* (М.: Искусство, 1974) была посвящена постановкам Г.А. Товстоногова, А.В. Эфроса, Ю.П. Любимова, вызывавшим острые, политически окрашенные дискуссии, которые часто приводили к закрытию спектаклей.
- ³ Имеется в виду монография Т.И. Бачелис *«Феллини»* (М.: Наука, 1972).
- ⁴ *Лоу Альма* (Law Alma; 1921–1994) – американская исследовательница творчества Вс.Э. Мейерхольда, переводчица на английский работы А.К. Гладкова *«Мейерхольд говорит»*, автор (в соавторстве с Мэлом Гордоном) книги *«Мейерхольд, Эйзенштейн и биомеханика: актерский тренинг в революционной России»* (*Law Alma H., Gordon Mel. Meyerhold, Eisenstein and biomechanics: actor training in revolutionary Russia* – McFarland & Company, Inc., Publishers Jefferson, North California and London. 1996).
- ⁵ *Гейнц Анна Федоровна* (1885–1927) – ученица Вс.Э. Мейерхольда по Студии на Жуковской, затем работала в театрах «Кривое зеркало» и «Дом интермедий».
- Хованская Евгения Александровна* (1886–1977) – актриса. Творческую карьеру начинала в Петербурге, где играла в театрах «Дом интермедий» (1910–1914) и «Кривое зеркало» (1915–1916).
- ⁶ *Мунт Екатерина Михайловна* (1875–1954) – актриса, сестра О.М. Мунт, жены Вс.Э. Мейерхольда. Соученица Мейерхольда по Филармоническому училищу. В труппе МХТ с его основания вплоть до 1902 г., когда ушла вместе с Мейерхольдом. Играла в Херсоне и Тифлисе, неся в Товариществе новой драмы основной репертуар (Нина Заречная, Ирина, Соня в пьесах Чехова, и др.). В 1906–1908 гг. – в Театре В.Ф. Комиссаржевской
- ⁷ *Пронин Борис Константинович* (1875–1946) – режиссер, театральный деятель, актер, участник ряда театральных начинаний Вс.Э. Мейерхольда. Создатель литературных кабаре «Бродячая собака» и «Привал комедиантов» в Петербурге.
- ⁸ *Соловьев Владимир Николаевич* (1887–1941) – режиссер и театральный педагог, театровед. Специалист по западноевропейскому театру. В 1913–1917 гг. один из ближайших соратников Вс.Э. Мейерхольда в Студии на Бородинской и в журнале «Любовь к трем апельсинам».
- ⁹ *Бонди Юрий Михайлович* (1889–1926) – режиссер, театральный художник, сотрудник Студии на Бородинской.
- Бонди Сергей Михайлович* (1891–1983) – сотрудник Студии на Бородинской, театровед, пушкинист.

- Бонди Алексей Михайлович* (1892–1952) – актер и драматург. Начинал театральную деятельность в Студии на Бородинской.
- ¹⁰ *Юрьев Юрий Михайлович* (1872–1948) в мейерхольдовских спектаклях Александринского театра сыграл Дон Жуана («Дон Жуан» Мольера), Марка («Шут Тантрис» Э. Хардта), Смолякова («Красный кабачок» Ю.Д. Беляева), Виктора Каренина («Живой труп» Л.Н. Толстого), Леонарда Ферриси («На полпути» А. Пинеро), Бориса («Гроза» А.Н. Островского), Михаила Кубанина («Романтики» Д.С. Мережковского), Кречинского («Свадьба Кречинского» А.В. Сухова-Кобылина), Арбенина («Маскарад» М.Ю. Лермонтова).
- ¹¹ *Коваленская Нина Григорьевна* (1888–1993) в мейерхольдовских спектаклях Александринского театра сыграла Катерину («Гроза» А.Н. Островского), Дон Фернандо («Стойкий принц» П. Кальдерона), Эльвиру («Дон Жуан» Мольера), Веру Литовскую («Два брата» М.Ю. Лермонтова), Вареньку («Романтики» Д.С. Мережковского), Нину («Маскарад» Лермонтова), Лидочку («Свадьба Кречинского» А.В. Сухова-Кобылина). После Октябрьской революции – в эмиграции.
- ¹² *Рощина-Инсарова Екатерина Николаевна* (1883–1970) в мейерхольдовских спектаклях Александринского театра сыграла Финочку («Зеленое кольцо» З.Н. Гиппиус), Элизу Дулиттл («Пигмалион» Б. Шоу), Вареньку («Романтики» Д.С. Мережковского), Катерину («Гроза» А.Н. Островского), Нину («Маскарад» М.Ю. Лермонтова). С 1918 г. в эмиграции.
- ¹³ *Голубев Андрей Андреевич* (1881–1961) – актер, режиссер, студист Студии на Бородинской.
- ¹⁴ *Мунт Ольга Михайловна* (1874–1940) – актриса, первая жена Вс.Э. Мейерхольда (1896–1920).
- ¹⁵ *Смирнов Алексей Максимович* (1890–1942) – режиссер театра и кино, студист Студии на Бородинской, муж А.В. Смирновой-Искандер.
- ¹⁶ *Щербаков Николай Александрович* (1898–?) – актер, студист Студии на Бородинской (1914–1917).
- ¹⁷ *Алперс Борис Владимирович* (1894–1974) – театральный критик, театровед и педагог. Два года был секретарем Студии на Бородинской, затем журнала «Любовь к трем апельсинам», издаваемого Вс.Э. Мейерхольдом.
- ¹⁸ *Грипич Алексей Львович* (1891–1983) – театральный режиссер, студист Студии на Бородинской (1913–1915). Занятия прервала Первая мировая война. С фронта вернулся лишь в 1918 г. и продолжил учиться на

- Курсах мастерства сценических постановок, где преподавал Вс.Э. Мейерхольд.
- ¹⁹ *Смирнова Вера Васильевна* (1898–1977) – детская писательница, литературный критик, мемуарист, сестра А.В. Смирновой-Искандер.
- ²⁰ *Алперс Сергей Владимирович* (1896–1931) – пианист. Окончил Петроградскую консерваторию.
- ²¹ *Тыркова-Вильямс Ариадна Владимировна* (1869–1962) – писательница и критик, деятель русской дореволюционной либеральной оппозиции, член ЦК Конституционно-демократической партии. Когда Вс.Э. Мейерхольд вызвал В.Ф. Комиссаржевскую на «суд чести», актриса назвала Тыркову как судью со своей стороны.
- ²² Премьера «*Незнакомки*» А.А. Блока, поставленной Вс.Э. Мейерхольдом (сорежиссер Ю.М. Бонди) в Зале Тенишевского училища, состоялась 7 апреля 1914 г.
- ²³ Поэт и критик *Чулков Георгий Иванович* (1879–1939) часто выступал автором сочувственных рецензий на спектакли Вс.Э. Мейерхольда.
- ²⁴ Писатель *Ремизов Алексей Михайлович* (1877–1957) был дружен с Вс.Э. Мейерхольдом еще со времен пензенского Народного театра (1896–1897). Его жена – Ремизова-Довгелло Серафима Павловна (1876–1943).
- ²⁵ *Чуковский Корней Иванович* (1882–1969) познакомился с Вс.Э. Мейерхольдом летом 1907 г. в Куоккале. Мейерхольд интересовался его переводческой деятельностью и работами в области английской литературы и театра.
- ²⁶ *Борман (в замуж. Бочарская) Софья Альфредовна* (1893–1982) – студистка Студии на Бородинской. После начала Первой мировой войны пошла учиться на сестру милосердия в Петербургский женский медицинский институт, затем отправилась на фронт. С августа 1919 г. принимала участие в Белом движении. С 1920 г. – в эмиграции. Жила в Лондоне.
- ²⁷ *Макарова Татьяна Матвеевна* (1883–1974) – архитектор. Закончила Московское высшее техническое училище.
- ²⁸ *Сафонов Василий Ильич* (1852–1918) – дирижер, пианист, педагог. Один из наиболее заметных и авторитетных представителей музыкальной культуры России в конце XIX и начале XX вв. Его дочери: Анна (1893–1975), Варвара (1895–1942), Мария (1897–1989), Елена (1902–1980). Но более всех Мейерхольда влекла студистка Ольга (1899–1942), в которую он влюбился. Однако родители Ольги воспротивились бурно разви-

вавшимися отношениям, и она из Студии ушла; ее переписка с Мейерхольдом продолжалась несколько лет (см.: *Мейерхольд В.Э. Переписка. 1896–1939.* М.: Искусство, 1976). Портрет Мейерхольда скорее всего писала Варвара, которая в эти годы училась в художественной школе Е.Н. Званцевой у К.С. Петрова-Водкина.

²⁹ Знакомство Вс.Э. Мейерхольда с *Карсавиной Тамарой Платоновной* (1885–1978), вероятно, восходит к постановке М.М. Фокиным балета «Карнавал» на музыку Р. Шумана, показанного на благотворительном вечере в 1910 г. (Карсавина – Коломбина, Мейерхольд – Пьеро).

³⁰ Иронизируя над «салонем Сологуба», Мейерхольд к самому *Сологубу Федору Кузьмичу* (1863–1927) относился с доверием и, вызывая В.Ф. Комиссаржевскую на «суд чести», выдвигал со своей стороны на роль судьбы именно его.

³¹ *Кушнер Борис Анисимович* (1888–1937) – поэт-футурист, очеркист. Расстрелян.

³² Футуристы превратились в союзников Вс.Э. Мейерхольда после Октябрьской революции. Самым близким из них стал В.В. Маяковский, все пьесы которого Мейерхольд поставил.

³³ См. о Пронине письмо Вс.Э. Мейерхольда С.К. Маковскому от 18 июня 1909 г.: «Я его знаю очень хорошо и очень не рекомендую. Человек совершенно *неработоспособный*. Типичный продукт актерско-студенческой богемы. Очень мил и забавен на пикниках, за кружкой в отдельном кабинете, за глиндвейном в мастерской художника, в путешествии, в дамском обществе, где много цветов, где *causegic* опьяняет, как вино... *В делах*, в серьезных делах, *невыносим*. Поток слов! Задерживающий центр атрофирован. Раб минутного настроения. Вне дел я его любил. Он подкупал меня каким-то обаянием: лицо, прическа, галстук со вкусом... Пытался вывести его “в люди”. Ничего не вышло.

Год пробыл у Комиссаржевской “помощником режиссера” – *сделать* ничего *не мог*. Пробыл год у Станиславского (тоже помощником режиссера) – опаздывал на спектакли, – должен был уйти. Я привлек его к совместной работе в домашнюю мою сценическую школу. Пока говорит – все идет как по маслу, как наступает момент реализации слов и проектов – Пронина нет. И потом, какая-то мания создавать проекты [Сноска Мейерхольда: И их не осуществлять]. Это – *болезнь*» (*Мейерхольд В.Э. Переписка. 1896–1939.* М.: Искусство, 1976. С. 126).

- ³⁴ *Кулябко-Корецкая Анна Ильинична* (1890–1972) – актриса. Студистка Студии на Бородинской (1913–1917). Работала в ГосТИМе с 1931 г. вплоть до его закрытия в 1938 г.
- ³⁵ *Павлова (в замуж. Шайкевич) Клавдия Васильевна* (1899–1958) – студистка Студии на Бородинской, характерная танцовщица, киноартистка, хореограф, педагог. В связи с приглашением Павловой К.Л. Рудницкий приводит в книге «Мейерхольд» фрагмент из несохранившегося письма А.В. Смирновой-Искандер: «Разразился скандал – часть студийцев во главе с Вл. Ник. Соловьевым, в том числе Нотман, Ильяшенко и я вовсе отказались участвовать в постановке» (с. 213).
- ³⁶ *Рыков Александр Викторович* (1892–1966) – театральный художник. Принимал участие в Студии на Бородинской и в подготовке журнала «Любовь к трем апельсинам».
- Головин Александр Яковлевич* (1863–1930) – живописец, художник-сценограф. С 1902 г. – главный художник Императорских театров. Оформил большинство спектаклей Вс.Э. Мейерхольда на императорской сцене.
- ³⁷ Пьеса Вильгельма Мейера-Ферстера «*Старый Гейдельберг*» (другое название – «Наследный принц») была поставлена в Александринском театре в 1908 г.
- ³⁸ *Савина Мария Гавриловна* (1854–1915) сыграла Катерину в «Грозе», представленной в день 75-летнего юбилея Александринского театра – 31 августа 1907 г.
- В ту пору Смирновой-Искандер было 11 лет.
- ³⁹ В роли Пьеро выступали актер *Альбов Петр Александрович* (?–1915) и художник *Шухаев Василий Иванович* (1887–1973).
- ⁴⁰ *Давидовский Константин Алексеевич* (1882–1939) – актер. Работал с Вс.Э. Мейерхольдом в Товариществе новой драмы и Театре В.Ф. Комиссаржевской; впоследствии – актер Театра имени МГСПС.
- ⁴¹ *Веригина Валентина Петровна* (1882–1974) работала с Вс.Э. Мейерхольдом со времен Студии на Поварской. Выступала в спектаклях Товарищества новой драмы, затем в Драматическом театре В.Ф. Комиссаржевской. С 1913 г. в Студии на Бородинской.
- Ильяшенко Лидия Степановна* (1894–1984) – студистка Студии на Бородинской, двоюродная сестра Андрея Белого. Под фамилией Бугаева играла Незнакомку в мейерхольдовском спектакле (Зал Тенишевского училища, 1914).

- ⁴² Премьера «Зеленого кольца» З.Н. Гиппиус в Александринском театре состоялась 18 февраля 1915 г. Режиссер Вс.Э. Мейерхольд. Роль Елены Ивановны получила признание критики и стала предпоследней ролью М.Г. Савиной, умершей через полгода после премьеры.
- ⁴³ *Давыдов Владимир Николаевич* (Горелов Иван Николаевич; 1840–1925) – премьер Александринского театра (1880–1924). Как и М.Г. Савина, стоял на страже традиций и обычаев императорской сцены и считал появление Вс.Э. Мейерхольда сумасбродной выходкой директора В.А. Теляковского.
- ⁴⁴ *Теляковский Владимир Аркадьевич* (1860–1924) – последний директор Императорских театров (1901–1917). По его инициативе в 1908 г. Мейерхольд стал режиссером императорской сцены.
- ⁴⁵ Письмо не сохранилось. Отрывки из него К.Л. Рудницкий приводит в книге «Мейерхольд»: «Всеволод Эмильевич постоянно на занятиях вспоминал Станиславского, любил говорить нам о том, как К.С. прекрасно двигается, как ловко обращается с плащом, шпагой. Часто он утверждал, что Станиславского не понимают в Художественном театре, что Станиславский – это “одно”, а то, что делается в Художественном театре, – совсем иное» (с. 193).
«Всеволод Эмильевич Мейерхольд всегда и во всем ценил профессионализм. Он говорил, что в цирковом искусстве сразу видно работу. Видно, как человек владеет телом, аксессуарами... Любил жонглеров, без конца восхищался их мастерством. Особенно ему нравился Энрико Растелли, который жонглировал маленькими черными резиновыми мячами... Любимцами Всеволода Эмильевича были клоуны Франк Пишель и Донато: оба оснащали комические антре сложными акробатическими трюками...» (с. 195).
«...атмосфера императорских театров была, по-видимому, тяжела для Всеволода Эмильевича. Часто Мейерхольд приходил к нам в студию к пяти часам дня очень мрачный, грустный и несчастный. Его было жаль, он напоминал в такие минуты нахохлившуюся птицу, которую хотелось пригреть» (с. 200).
- ⁴⁶ *Бернардацци Александр Александрович* или «А. Бернардацци-младший» (1871–1931) – художник, архитектор, действительный член «Бродячей собаки». Руководил работой по перестройке Театра В.Ф. Комиссаржевской. Умер в эмиграции.
- ⁴⁷ В опубликованный том переписки Вс.Э. Мейерхольда (М.: Искусство, 1976) упоминания о Бернардацци не вошли.

- ⁴⁸ Янова Варвара Поликарповна (1890–1943) – актриса. С 1913 г. снималась в кино, в том числе в фильмах Вс.Э. Мейерхольда: «Портрет Дориана Грея» (1915), «Сильный человек» (1917).
- ⁴⁹ Блок (урожд. Менделеева) Любовь Дмитриевна (1881–1939) – актриса, историк балета, мемуаристка, жена А.А. Блока. Принимала участие в гастрольной труппе Мейерхольда весной 1908 г. и в Студии на Бородинской.
- ⁵⁰ Л.Д. Блок красочно описала бурный роман как один из главных эпизодов своей жизни в мемуарах «И была небылицы о Блоке и о себе» (см.: Две любви, две судьбы: воспоминания о Блоке и Белом / Вступит. статья В.В. Нехотина. М.: XXI век – Согласие, 2000. С. 94–98).
- ⁵¹ Стенограмма в архиве Бачелис–Рудницкого не сохранилась.
- ⁵² Бернардацци Евгений Александрович (1883–1931) – гражданский инженер. После революции в эмиграции. Умер в Кишиневе.
- ⁵³ Премьера фильма «Хозяин жизни», созданного на киевской кинофабрике «Художественный экран» (режиссеры М.М. Бонч-Томашевский, А.М. Смирнов, сценарист А.С. Вознесенский), состоялась 14 марта 1919 г. в Киеве и 10 октября 1919 г. в Москве. Фильм не сохранился.
- ⁵⁴ Энритон (Нотман) Генрих Фридрихович (1889–?) – актер и режиссер, исполнитель ролей Поэта и Голубого в «Незнакомке» (под фамилией Горич, 1914), Гамлета в пантомиме «Гамлет» в первом публичном спектакле Студии. В 1915–1916 гг. участвовал в мейерхольдовской постановке «Стойкого принца» П. Кальдерона в Александринском театре.
- ⁵⁵ Хохлов Константин Павлович (1885–1956) – актер, театральный режиссер. С 1908 по 1920 г. – актер Художественного театра. С 1916 г. снимался в кино.
- ⁵⁶ Студия Э.И. Рабенек «Московские классы пластики» располагалась на Мясницкой улице, на пересечении Малого Харитоньевского переулка с Чудовским переулком.
- ⁵⁷ Андреева (урожд. Тыцинская) Любовь Александровна (1884–1969) – оперная и концертная певица (меццо-сопрано), педагог по вокалу, выступала под девичьей фамилией матери – Дельмас. А.А. Блок посвятил любимой певице лирический цикл «Кармен» (1914).
- ⁵⁸ Рудницкий К. Утверждение доброты // Правда. 1975. № 261. 18 сентября. С. 6.
- ⁵⁹ Имеется в виду цитируемый К.Л. Рудницким протест К.С. Станиславского против замены М.М. Яншина в роли Лариосика другим актером.

- ⁶⁰ Письмо не сохранилось. Отрывок из него К.Л. Рудницкий приводит в книге «Мейерхольд»: «Очереди у булочных выстраивались с трех часов утра. Не хватало дров. Ремизов с женой истопили комод красного дерева» (с. 213).
- ⁶¹ Фрески неоакадемического направления с изображениями гуляк и трактирщиков в большом зале, арлекинады во втором и черного небосклона с мерцающими знаками зодиака (осколки зеркал) в третьем создавали, по словам современников, «болезненно-роскошные» интерьеры.
- ⁶² «Лигмалион» Б. Шоу, поставленный Вс.Э. Мейерхольдом, был показан «в благотворительных целях» 26 апреля 1915 г. на сцене Михайловского театра. В доработанном виде шел на сцене Александринского театра.
- ⁶³ 12 марта 1917 г. в Михайловском театре состоялся грандиозный общегородской митинг деятелей искусств, на котором был учрежден Союз деятелей искусств. Состав участников был крайне разнороден. Особенно резко выступали представители «левых»: И.М. Зданевич, Н.Н. Пунин и Вс.Э. Мейерхольд. Последний заявил, что «надо освободить искусство от всяких Бенуа, которые стараются примазаться к новому ведомству изящных искусств, мечтают о Владимире в петличку и с вожделием ждут освободившихся казенных квартир» (цит. по: История советского театра: Очерки развития / Гл. ред. В.Е. Рафалович. Т. 1. Л.: Художественная литература, 1933. С. 52).
- ⁶⁴ ...«злые гении» Мейерхольда. – Речь идет о А.В. Смирновой-Искандер и ее муже, настроенных более революционно, чем остальные студийцы.
- ⁶⁵ Гольцева (урожд. Мейерхольд) Эльфрида Эмильевна (1868–1920) – сестра Вс.Э. Мейерхольда.
- ⁶⁶ После войны А.В. Смирнова-Искандер создавала и режиссировала программы для солистов-чтецов.
- ⁶⁷ Письмо не обнаружено.
- ⁶⁸ Рудницкий К. «Лес» Мейерхольда: замысел, структура, значение // Театр. 1976 № 11. С. 98–110; № 12. С. 90–106.
- ⁶⁹ Всеволод Эмильевич Мейерхольд. 1874–1974: юбилейная выставка к столетию со дня рождения: каталог / Сост. М.С. Иванова и Л.И. Постникова. М.: Наука, 1976.
- ⁷⁰ См.: Алперс Б.В. Театр социальной маски // Алперс Б.В. Театральные очерки: В 2 т. Т. 1. М.: Искусство, 1977. С. 97–98, 109.
- ⁷¹ К.Л. Рудницкий имеет в виду компанию 1949 г. по «борьбе с космополитизмом», в которой немалое место отводилось театральным критикам

и театроведам. Были смещены со своих постов заведующие кафедрами ГИТИСа Б.В. Алперс, В.Н. Всеволодский-Гернгросс, А.К. Дживелегов, отстранен от преподавания С.С. Мокульский, уволен и отправлен в ссылку А.М. Эфрос. В травле Алперса особенно активны были Б.Н. Асеев (1909–1983), таким образом освободивший для себя место заведующего кафедрой русского и советского театра, и Б.И. Ростоцкий (1912–1981), педагог ГИТИСа (с 1967 г. – профессор), заведующий сектором искусства европейских социалистических стран Института истории искусств (с 1962).

- ⁷² Монография Т.И. Бачелис «Шекспир и Крэг» была издана в 1983 г. (М.: Искусство).
- ⁷³ Бачелис Т. Молчание и слово // *Театр*. 1976. № 9. С. 115–125. Статья о гастролях «Компании Мадлен Рено – Жана-Луи Барро» в Москве с 14 по 24 апреля 1976 г.
- ⁷⁴ Письмо не обнаружено.
- ⁷⁵ Письмо К.Л. Рудницкого не обнаружено.
- ⁷⁶ *Мацкин Александр Петрович* (1906–1996) – театральный критик, театровед.
- ⁷⁷ К теме революционности Вс.Э. Мейерхольда К.Л. Рудницкий вернулся позже, в письме от 3 июня 1984 г.: «Конечно, Вы правы, указывая слабое место в книжке о Мейерхольде. Но оно слабое не потому, что я об этом периоде мало знаю. А потому что не могу – а отчасти даже не хочу – написать все, что знаю. Знаю, что еще в июле 17 г. он был резко против большевиков. Знаю, что и в Крыму, и в Новороссийске у него были сильные сомнения, не податься ли в эмиграцию, что он жалел, зачем “записался в большевики”. Но как об этом напишешь, если, – вот сейчас Вы с этим столкнулись, – самое имя Мейерхольда до сих пор пугает дураков-издателей?!».
- ⁷⁸ *Мюллер Владимир Николаевич* (1887–1979) – искусствовед, театральный и кинохудожник, профессор ГИТИСа.
- ⁷⁹ Письмо А.В. Смирновой-Искандер не обнаружено.
- ⁸⁰ Имеется в виду статья К.Л. Рудницкого о гастролях БДТ в Москве – «Истина страстей» (*Литературный газета*. 1977. № 27. 6 июля. С. 8).
- ⁸¹ *Смирнова Анна Алексеевна* (1921–2007) – актриса.
- ⁸² К.Л. Рудницкий имеет в виду *Никулина Сергея Константиновича* (р. 1944), который в издательстве «Искусство» заведовал редакцией литературы по истории и теории театра (1974–1981).
- ⁸³ *Мацкин А.П.* Орленев. М.: Искусство, 1977. Серия «Жизнь в искусстве».

- ⁸⁴ Письмо А.В. Смирновой-Искандер не обнаружено.
- ⁸⁵ *Бачелис Нина Савельевна (1892–1978).*
- ⁸⁶ Письмо А.В. Смирновой-Искандер не обнаружено.
- ⁸⁷ Имеется в виду скандал, вызванный планами Парижской оперы поставить «Пиковую даму» П.И. Чайковского, пригласив Ю.П. Любимова, который предложил свою версию: приблизить либретто к Пушкину, сократив часть текста. (Когда-то, в 1935 г., нечто подобное делал Вс.Э. Мейерхольд в Ленинграде.) Дирижировать должен был Г.Н. Рождественский, оформлять спектакль – Д.Л. Боровский. А.Г. Шнитке предложили сделать коррекцию партитуры. Репетиции еще не начались, когда 11 марта 1978 г. в «Правде» появилась статья дирижера Большого театра А.М. Жюрайтиса: «Готовится чудовищная акция! Ее жертва – шедевр гения русской музыки П.И. Чайковского. Не в первый раз поднимается рука на несравненное творение его – “Пиковую даму”. Предлог – будто либретто не соответствует Пушкину. Эдакие самозванцы, душеприказчики Пушкина. Какая демагогия!». Судьба парижского спектакля решалась на высоком правительственном уровне в СССР. В результате Министерство культуры не подписало договор с Парижской оперой.
- ⁸⁸ Письмо К.Л. Рудницкого не обнаружено.
- ⁸⁹ *Рудницкий К.Л. Правда сцены // Литературное обозрение. 1978. № 12. С. 76–79. Рецензия на книгу М.Н. Строевой «Режиссерские искания Станиславского. 1917–1938» (М.: Наука, 1977).*
- ⁹⁰ Письмо не обнаружено.
- ⁹¹ Статья К.Л. Рудницкого «*Кентавры*» о прозе на сцене была опубликована в № 6 журнала «Театр» за 1979 г. (с. 46–52).
- ⁹² Письмо не обнаружено.
- ⁹³ *Полякова Е.И. Станиславский. М.: Искусство, 1977. Серия «Жизнь в искусстве».*
- ⁹⁴ Статья Т.И. Бачелис «*Гамлет, Крэг, Пикассо*» была опубликована в № 12 журнала «Театр» за 1980 г. (с. 128–137).
- ⁹⁵ *Рудницкий К.Л. Форма и суть. «Мы, нижеподписавшиеся». МХАТ имени Горького и Театр сатиры // Театр. 1979. № 12. С. 9–12.*
- ⁹⁶ *Рудницкий К.Л. Частица бытия // Искусство кино. 1980. № 3. С. 30–43.*